Л57
1056

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

ТРУДЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА
СЕКЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

Проф. М. А. ПОЛИЕВКТОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ и ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVII в. на КАВКАЗЕ

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КАВКАЗОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР. ТИФЛИС 1932

ЛБ7 1056

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

ТРУДЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА
СЕКЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

Проф. М. А. ПОЛИЕВКТОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ и ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ МОСКОВСКОГО

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует
4	12 сверху	розыскания	разыскания
5	10 снизу	шения: Белокуров Д.— С. Белокуров. Посольство дьяка	жения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московско-
10	23 сверху	условия	условиям
13	10 сверху	уходил	уходило
13	8 снизу	15 сентября	15 января
16	5—6 сверху	сопостовля	сопоставляя
16	6 сверху	соображения	соображение
21	21 сверху	ключевое	ключевою
22	пропуск после 19 строки сверху	—	днище. И разбрен в давних годех, а от чево и хто ево ра-
22	21 сверху	деревню	деревнею
24	5 снизу	поломника	паломника
32	3 сверху	розысканий	разысканий
32	12 сверху	преобладение	преобладание
36	7 снизу	маршрута	маршрут
36	17 снизу	Шмаха	Шемаха
38	17 сверху	и статейных	в статейных
40	10 снизу	соверном	северном
42	15 снизу	посольствовами	посольствами
43	18 снизу	даные собиралитсь	данные собирались
45	21 снизу	Толчанову	Толочанову
48	7 снизу	Насление	Население
48	10 снизу	черкасов	черкесов
51	21 сверху	посольствах	посольских
54	15 снизу	квказоведческих	кавказоведческих

ЛБ7
1056

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

ТРУДЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА
СЕКЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

9
П5

Проф. М. А. ПОЛИЕВКТОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ и ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVII в. НА КАВКАЗЕ

590(1)
34
ПОДАЩЕНО
1934/
Проверено 1937 г.

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА КАВКАЗОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ
НАУК СССР. ТИФЛИС 1932.

733

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
517588

Тип. им. А. Ф. Мясникова изд-ва „Заря Востока", пр. Руставели, 36.

Зак. № 1442. Гл. № 974 Тир. 1000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Феодальное государство, в условиях развивающегося денежного хозяйства и торгового капитала, в поисках колониальных рынков и в связанных с этими поисками устремлениях к освоению новых отдаленных территорий или к непосредственному расширению своих границ, никогда не идет вслепую.

Периоду такой агрессивной политики всегда предшествует период, иногда очень длительный, подготовительных нащупываний, разведок и изысканий. Таково значение всех путешествий в дальние страны Востока, всех исканий новых морских путей и новых земель, всех этих Плано Карпини, Марко-Поло, Васко-де Гама, Колумба и др., разведческая деятельность которых заполняет период, иногда очень продолжительный, предшествующий периоду ожесточенной борьбы за пути и рынки вступающих на путь капиталистического развития стран Запада в XVI, XVII и всех последующих веках, вплоть до наших дней. В начале это — частные попытки на свой риск отдельных торговых и предпринимательских фирм или отдельные правительственные предприятия, финансируемые крупными фирмами. По мере того, как складывается новый правительственный аппарат, обслуживающий интересы денежного хозяйства и торгового капитала, все эти разведки включаются в общую систему государственной политики.

Москва, феодальное государство, в котором к XV веку развивается уже денежное хозяйство и начинает зарождаться торговый капитал, в этом отношении не представляет какого-либо исключения. Наступательный характер политики Московского государства, в основных своих линиях, в общеевропейском масштабе, определяется со второй половины XVI века — завоевание Поволжья, Ливонская война, начало наступления на Крым, и вполне развертывается не раньше начала XVIII века. Но еще с XV века разведки московских (быть может, правильнее, новгородско-московских) торговых кругов глубоко прощупывают страны Востока — Персию, Малую Азию и Индию, откуда

издавна уже притекали на восточно-европейские рынки наиболее ценные товары. Таково общеизвестное «хождение за три моря» (Каспийское, Персидский залив, Индийский океан; 1466—1472 г.г.) тверского купца Афанасия Никитина, предпринятое с вполне определенной коммерческой установкой; таково гораздо менее обращающее на себя обычно внимание, предпринятое почти в те же годы (1465—1466), хождение к «святым местам» гостя Василия, у которого сквозь традиционную оболочку древне-русских паломничеств прорываются уже весьма деловые интересы человека торговли и рынка. Все эти разведки более разрозненны: они не складываются в одну непрерывную цепь, как землеведные розыскания, шедшие из Западной Европы. Они более примитивны в своем литературном оформлении, как более примитивен был весь уклад московской жизни того времени. Но они также обслуживали интересы денежного хозяйства и зарождавшегося в Москве торгового капитала, как подготовляли арену для торгового капитала Запада, путешествия Марко Поло, Васко-де Гама и др.

Как и эти последние, гость Василий и Афанасий Никитин были выразителями устремлений того же вновь нарождающегося денежного хозяйства и торгового капитала [1].

Московское государство, повидимому, очень рано начало все эти разведки брать, если можно так выразиться, на учет и вводить подобного рода разведочные задания в круг обязанностей своих правительственных органов. К концу XVI века эти задания слагаются уже в одну общую систему, в которой находит свое место и Кавказ.

Настоящий очерк и ставит себе задачей обрисовать разведочную работу Москвы на Кавказе, главным образом, в XVII веке — в эпоху, непосредственно предшествующую активному наступлению на Кавказ московского торгового капитала. Все такие разведки сосредоточивались в то время в Посольском приказе, ведомстве иностранных дел Московского государства. Посольский приказ ведал не только собственно дипломатические дела, но и многие экономические, так или иначе связанные с заграницей, дела об ино-

---

[1] «Хождение гостя Василия»; 1465—1466—Православный Палестинский Сборник, вып. 6 (СПБ. 1884). Хождение Афанасия Никитина—в VI-ом томе «Полного собрания русских летописей» и у И. Срезневского «Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 г.г.» (СПБ. 1857; из «Ученых Записок II Отд. АН» кн. II, вып. 2).

странцах, главным образом, торговых людях, а также дела о вновь присоединенных областях и тех областях, на которые имела виды Москва и т. п. Дела Посольского приказа до настоящего времени опубликованы лишь в незначительной части и далеко еще не исчерпаны в исторической науке. Настоящий очерк строится, главным образом, на делах этого приказа, преимущественно на печатных публикациях этих дел, но отчасти и неопубликованном еще архивном материале. Главное внимание обращено на те разведки, которые производились Московским государством в Грузии, или так или иначе стояли в связи с «грузинскими делами» Московского государства за это время.

В XVI и XVII веках сношения с Грузией занимают очень видное место в общем цикле кавказских отношений Московского государства и постоянно переплетались с его сношениями с другими областями и странами Кавказа, а потому и разведочная работа Москвы на Кавказе обрисовывается по «грузинским делам» наиболее полно и отчетливо [2].

---

[2] О ведомстве Посольского приказа см. у С. Белокурова: О Посольском приказе («Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, 1906, кн. III и отдельно—Москва 1906); тому же исследователю принадлежит глава о Посольском приказе в «Очерке истории Министерства Иностранных Дел» (СПБ. 1902). В 50-х—70-х годах XVII века близкое отношение имел к ведомству Иностранных Дел, как вообще ко всем отраслям государственного управления, существовавший тогда приказ Тайных дел. Для интересующего нас вопроса, однако, этот последний приказ большого значения не имеет. Срав. П. Гурлянд — Приказ великого государя тайных дел (Ярославль, 1902). Дела Посольского приказа, хранившиеся до революции в Московском Главном Архиве Мин. Ин. Дел, в настоящее время в составе всего этого архива—в Древлехранилище Центрархива РСФСР в Москве; в дальнейшем, ниже, при ссылках на «дела» Посольского приказа место их хранения не указывается. В настоящем очерке приняты следующие библиографические сокращения: Белокуров Д. — С. Белокуров. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадиановскую землю; 1639—1640 г.г. (Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских 1887 г. кн. II); Белокурова К.—С. Белокуров. Сношения: Белокуров Д. — С. Белокуров. Посольство дьяка Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. I; 1578—1613 гг. (там же 1888 г., кн. III и отдельно—М. 1889); Броссе — М. Броссе. Переписка, на иностранных языках, грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г.; СПБ. 1861; Brosset—M. Brosset. Examen critique des annales géorgiennes, pour les temps modernes, au moyen des documents russes. Мышецкий—Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию; 1640—1643; Тифлис 1928; Толочанов—Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию; 1650—1652; Тифлис 1726. Все даты—по старому стилю.

ИНТЕРЕС МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА К КАВКАЗУ В XVI И XVII ВЕКАХ.

Между восточно - европейскою равниною, на центральном водном узле которой возникло впоследствие Московское государство, и Кавказом издавна существовали тесные и разнообразные взаимоотношения — экономические, культурные и политические. По Волжскому торговому пути, через Черноморье и даже отчасти через Балканский полуостров (монастыри Афона) устанавливались связи Кавказа с восточно-европейскою равниною. Через Тмутаракань и Хазарию, позднее половцев и монголов, Киев, Новгород и волжско-окское междуречье втягивались в тот же широкий экономический и культурный кругооборот всего Востока, в который глубоко был втянут и Кавказ. Уже с первых веков существования Московского государства, в Москву, в числе других произведений Востока, проникали товары и с Кавказа; наряду с персиянами, индийцами и бухарцами появлялись черкесы, армяне и грузины [3]. Отсюда хорошая сравнительно осведомленность уже в XV веке Москвы о Востоке и, в частности, о Кавказе. Только на почве такой осведомленности, побуждавшей, в свою очередь, к дальнейшим изысканиям в направлении максимальной экономической заинтересованности, и могло возникнуть такое широкое по своему размаху предприятие как «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Но только со второй половины XVI века кавказский вопрос, как таковой, был поставлен в порядке дня политики Московского государства.

Экономика и политика Московского государства со второй половины XVI века, как известно, значительно усложняются. Завоевание всего Поволжья открывало широкий простор для колонизации южных окраин государства,

---

[3] Исторический обзор связей Кавказа с политическими образованиями восточно - европейской равнины и с Московским государством до начала XVII века см. Белокуров К. Введение.

что благоприятствовало хозяйственным интересам феодального землевладельческого класса. В то же время Москва захватывала в свои руки на всем протяжении, вплоть до Астрахани, главную артерию своей восточной торговли с Персией. В связи с завязавшимися к этому времени непосредственными торговыми сношениями Москвы, через Белое море и Архангельск, с Англией это создавало через Московское государство европейско-азиатский транзит мирового значения, повышало для самой Москвы значимость ее персидской торговли, а внутри страны благоприятствовало образованию более широкого рынка, в который втягивался теперь и феодальный землевладельческий класс, а также и более быстрому накоплению торгового капитала. Интересы быстро развивавшейся торговли толкали Москву к Балтийскому побережью, как морскому выходу, более близкому к центру, чем Архангельск; продвижение на юг ставило ее лицом к лицу как с Персией, так и с Турцией, вассал которой Крым не только глубоко врезывался в то время в территорию Московского государства, но и нависал над Северным Кавказом. В московской внешней политике завязываются теперь два вопроса—балтийский и черноморско-кавказский (иначе—восточный), надолго определившие с этого времени почти все содержание этой политики. На самом Кавказе, к северным предгорьям которого Москва подошла к последней четверти XVI века, а через Кавказ и во всей Передней Азии, для нее открывались широкие возможности, возникал и трудно преодолимый, не только в силу географических условий, но и в виду сложности политических взаимоотношений, барьер всем этим возможностям. В таких условиях, сумма сведений, какими обладали в то время в Москве о Кавказе, требовала проверки, освежения и уточнения. Ответом на это и были экономические и политические разведки, которые с этого времени и, главным образом, в XVII веке, предпринимает Московское государство. Программа всех таких разведок развертывалась и углублялась по мере того, как росла заинтересованность Московского государства, государства со слогавшимся уже торговым капиталом, в самом Кавказе и в странах, путь к которым шел через Кавказ.

В XVI и XVII веках, когда Московское государство подошло к предгорьям Кавказа и укрепилось на Тереке, за преобладание на Кавказе боролись две главные экономические и политические силы Ближнего Востока, Турция и Персия. Это была, прежде всего, борьба за те торговые пути,

которые через Кавказ вели на Восток, по которым персидский шелк проникал в Европу. На север от Кавказского хребта Турция, через Крым, Азов и тяготевших к ней шамхалов тарковских, пробивалась к Каспийскому морю, к Астрахани и Дербенту; на юг от кавказского хребта турецкое наступление шло на Эривань, Ганджу, Тифлис, Шемаху и отсюда на Баку и, опять-таки, на Дербент. Преобладание Турции на Каспийском побережьи Кавказа расстраивало издавна налаженную торговлю Персии, через Астрахань, с Москвою. Для Москвы это означало, что весь персидский шелк, шедший через Астрахань и Архангельск в Европу, пойдет теперь в Европу через Малую Азию и Смирну, а следовательно расстроится и весь московский товарооборот с Персией, а следовательно разладится и беломорская торговля Московского государства с Западной Европой. Вот почему в борьбе за преобладание на Кавказе между Турцией и Персией интересы московского торгового капитала всецело были на стороне последней. Переживая во вторую половину XVI и в начале XVII века внутренний общественно-политический кризис, Москва до начала XVII века в своей кавказской политике не идет, однако, дальше усилий парализовать позицию Турции на Северном Кавказе. Она старается привлечь к себе феодалов Кабарды и «черкасов» и ставит ряд укрепленных пунктов по нижнему Тереку и Сунже, чтобы помешать крымцам «перелезать» эти реки на соединение с кумыками и шамхалом тарковским. За Кавказским хребтом у Москвы в XVI веке устанавливаются сношения лишь с одной частью Грузии — с Ках(ет)ией, искавшей у нее, в своем трудном положении, между турецким молотом и персидской наковальнею, экономической и политической поддержки, и точно также боровшейся с кумыками. Вопрос о согласовании военных действий против шамхала является за это время основным вопросом и в сношениях Москвы с Ках(ет)ией. «Шамхальским вопросом» почти целиком исчерпывается и вся кавказская политика Москвы в XVI веке.

Оправившись от внутренних потрясений конца XVI и начала XVII веков и укрепившись после этого кризиса в своем положении, московский торговый капитал усваивает теперь более широкую программу и в своей кавказской политике. Кавказская политика Москвы в XVII веке — составная часть общей подготовки к тому наступлению, какое в XVIII веке поведет московский капитал на Балтийское море,

более удобный выход его европейско-азиатского транзита, и на Черноморье, колыбель будущего русского аграрного капитализма и новый, южный выход на европейский рынок. В XVII веке подготовка к этой агрессивной политике—присоединение Украины, вмешательство в борьбу Польши и Швеции за Балтийское побережье, более энергичный отпор Крыму и, отчасти, в увязке с этим последним, более широко развернутая политика на Кавказе. В XVI веке Москва комбинировала, ближайшим образом, в своих стратегических интересах, политические силы Северного Кавказа; в XVII веке на первый план выступают закавказские отношения Москвы. Не локальный вопрос о согласовании военных действий против шамхала, но подготовка соответствующей позиции для защиты своих собственных интересов в борьбе за преобладание на Кавказе и в Передней Азии Турции и Персии в общекавказском масштабе составляет теперь главное содержание политики Москвы на Кавказе. Московско-грузинские отношения, исчерпывавшиеся в XVI веке сношениями с Ках(ет)ией, разростаются теперь в целую сеть взаимно переплетающихся сношений Москвы с отдельными грузинскими «царствами». Москва старается привлечь на свою сторону феодальную аристократию Грузии, богато одаривая ее высокоценными на малоазиатских рынках собольими мехами [4] и входит в соглашение с армянской компанией относительно торговли шелком.

Стратегия и теперь продолжает занимать видное место во всех этих комбинациях; но, наряду с подготовкой кавказского плацдарма для борьбы с Турцией и воздействия на Персию, у московского торгового капитала, уже освоившегося с местной обстановкой на шемахинском рынке, нарастает интерес и к тем экономическим возможностям, какие открывались для него и в других областях Закавказья.

Все это и определило целевые установки тех разведок, какие вело в это время на Кавказе Московское государство.

УСЛОВИЯ СООБЩЕНИЯ МЕЖДУ МОСКВОЙ И КАВКАЗОМ В XVII ВЕКЕ.

Говоря об организации Московским государством разведок на Кавказе, необходимо прежде всего учитывать технические условия транспорта и вообще всю обстановку сообщения того времени [5].

[4] Мышецкий, стр. 56 и Толочанов, стр. 38, 52 и 63.
[5] Главные пути от Москвы до Терека—см. Приложение I.

Техника укорачивает расстояние; при мало развитой технике того времени, Кавказ в XVII веке отстоял во много раз дальше от Москвы, чем в настоящее время. Для спешных сообщений (телеграф, аэроплан, не говоря уже о прямом проводе) расстояние от Москвы до Северного Кавказа, в настоящее время, можно считать 36 часов. В XVII веке все эти сообщения высокой техники, заменяла верховая езда, покрывавшая то же расстояние приблизительно в шесть недель (около 1000 часов). Спешное сообщение с Кавказом совершалось, таким образом, в 28 раз медленнее, чем в настоящее время. Для обыкновенных сообщений, с большей загрузкой и большим комфортом (скорый поезд) то же расстояние в настоящее время покрывается приблизительно в 60 часов. В XVII веке такое обыкновенное сообщение обслуживал сплошной водный транспорт, требовавший в среднем 102 дня (около 2.500 часов), а в обратном направлении, вверх по течению рек, и того больше. Обыкновенное сообщение с Кавказом совершалось, таким образом, в 40 раз медленнее, чем в настоящее время. В среднем надо считать, что в XVII веке Северный Кавказ отстоял от Москвы почти в 35 раз дальше, чем в наши дни. Для Закавказья все эти соотношения надо еще более увеличить.

К техническим условия надо прибавить еще политические и социальные. Официально границей Московского государства в кавказском направлении в XVII веке была река Терек, по левому берегу которого шли поселения терских казаков и тянулся ряд укрепленных казачьих «городков» — Моздок, Ишерский, Наурский, Калиновский, Аристово, Черлаково, Оскин, Яковлев, Муратханов, Кизляр; этот ряд городков замыкался у устья Терека главным стратегическим, обсервационным и административным пунктом—Терским городом (или просто Терек) [6]. Но к северу от терских казачьих поселений, по крайней мере, до широты Саратова, для Московского государства далеко не все было благополучно. В степях между Доном и Волгою—нагайцы и татары, в слабой вассальной зависимости от Москвы; за Волгою—калмыки. Все это были элементы, которые в XVII веке далеко

[6] Срав. Толочанов, стр. 109. Терский город в XVII веке был внушительным укреплением. Его крепостная артиллерия имела 38 орудий; см. Опись Терского города 1688 г. в «Актах Исторических», т. V, стр. 315-316.

еще не примирились с ярмом Москвы и всегда были готовы при случае дать почувствовать свою, в то время довольно еще внушительную силу. В 1680 г. от татар пострадала Пенза, в 1693 г.—Саратов. На низовьях Волги, в связи с развитием волжской торговли, соляного и рыбного промыслов, быстро нарастали классовые противоречия, и накоплялось много недовольного элемента. Сам казачий Дон в социальном отношении был весьма ненадежным, что и доказало в 70-х годах движение Разина, наиболее яркое звено в целой цепи таких движений, тянущихся через весь XVII век. Москва вела свое наступление на юг, как известно, системою целой цепи укрепленных пунктов, которая постепенно продвигалась в степь—так называемые сторожевые черты или засеки. Во вторую половину XVII века такая сторожевая черта, в юго-восточном секторе, шла через города: Белгород, Новый Оскол, Острогожск, Воронеж, Козлов, Тамбов, Нижний Ломов, Саранск, Симбирск и дальше—за Волгу; только в восьмидесятых годах этого века сторожевая черта протянулась от Нижнего Ломова на Пензу, Кузнецк, и Сызрань, и только к самому концу этого века была укреплена линия от Пензы, через Петровск, на Саратов. На юг за этими линиями были лишь отдельные сторожевые пункты и была организована сложная система сторожевых раз'ездов для охраны местного населения и для добывания «вестей» о татарах, нагайцах, калмыках, да и о самих казаках, «учинившихся в воровстве», говоря языком того времени, т. е. совершавших всякого рода правонарушения. Южнее Царицына (нынешний Сталинград) русские поселения, включая сюда и казачьи, теснились к берегам Дона и Волги. Внутреннее пространство между нижними течениями этих рек совершенно еще не было освоено Московским государством [7].

И, наконец, непреоделенные еще техникою того времени природные трудности и опасности... Богатая подножным кормом, иногда в рост человека, степь летом упрожала безводьем. Летом степь горела: картинное описание таких степных пожаров в этом крае оставил нам Перри [8]. Зимою—время года, вообще, наиболее благоприятное в Московском

[7] Об общих условиях жизни в нижнем Поволжье в XVII веке весьма много дает А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVII в.в. (Саратов 1923) гл. XI—XV.

[8] Джон Перри — Состояние России при нынешнем царе (Петре I)—в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских» 1871 г., кн. I и II, стр. 60-61 (во II-ой книге)

государстве для сухопутного путешествия — свирепствовали мятели и снежные заносы. В XVII веке преодолеть приволжские и прикавказские степи и в географическом отношении, и в политическом было, пожалуй, не менее трудно, чем в конце XVIII и начале XIX века пробраться через горные теснины Кавказа.

Главное сообщение Москвы с Тереком шло через Астрахань, к которой Терек тяготел и административно. Это был или сплошной водный путь — по рекам Москва, Ока, и Волга и Каспийским морем, или сухопутье—через Владимир, Саратов и дальше по берегу Волги и Каспийскому побережью. Наиболее удобным сообщением было водное сообщение, с одною только перегрузкою в Астрахани. Этим сообщением почти исключительно и пользовались. О нем будем говорить дальше. Организованного сухопутного транспорта между Москвою и Тереком в сущности говоря не было. Большое оживление замечается в XVII веке на торговой дороге от Москвы до Саратова — через Владимир, Касимов, Темников, Троицк, Инсар, Мокшан, Рамзай и Пензу. Повидимому, в связи с оживлением на этой дороге, было и перенесение, около 1674 г., на правый берег Волги Саратова [9]. Существовала сухопутная дорога и от Саратова до Астрахани, вдоль Волги; но этою дорогою пользовались, да и то не особенно охотно, главным образом, зимою, когда Волга замерзала, а в степи становилось несколько спокойнее. Был, наконец, сухой путь и от Астрахани до Терека. Посольствам, отправляемым из Москвы на Кавказ рекомендовалось нередко итти из Астрахани до Терека, «куда лутче и бережнее, водяным или сухим путем». Астраханская администрация направляла их, однако, обычно морем: «ныне де... степью из Астрахани на Терек итти не уметь, потому, что ныне в нагайских людях учинилась шатость» [10].

Но если и не было организованного, сухопутного, сплошного транспорта, то все же приходилось иногда прибегать к комбинированию сухопутного и водного сообщения —водою до Саратова и указанным выше сухопутьем от Са-

---

[9] См. об этом А. Гераклитов назв. соч., стр. 264. О сухопутной дороге Москва—Саратов в XVII веке—его же: К истории Волжского транспорта в конце XVII века («Истархет», Саратов, 1930) и несколько малоизвестных заметок о мордве иностранных путешественников конца XVII—нач. XVIII в. («Известия краеведческого института» т. IV, Саратов, 1931).

[10] Срав. Мышецкий, стр. 26 и 28.

ратова до Москвы. Нам известно несколько случаев такого комбинированного сообщения. Таким способом прибыли в Москву в 1638 г. посол от мегрельского владетеля Левана Дадиани и споровождавший его от Терека гонец боярский сын Афанасий Иевский, и в 1653 г. посланник из Тифлиса от царя Ростома Магомет-хан-бек. Таким же путем добрался в 1688 г. до Москвы возвращавшийся через Московское государство из своего путешествия по Востоку французский иезуит Ф. Авриль. На такое комбинированное сообщение уходил от 4 до 5 месяцев. Вторичная, после Астрахани, перегрузка в Саратове, а до перенесения Саратова на правый берег, к тому же—еще переправа через Волгу и новая перегрузка на правом берегу, значительно осложняли такое комбинированное сообщение. К нему прибегали, поэтому, обычно, или в случае какой-либо аварии, или вследствие невозможности двигаться дальше водою из-за ледостава [11].

---

[11] Путь мегрельского посла и Иевского—Белокуров Д., стр. 268, 269; путь посольства Магомет-хан-бека—Дела персидские в столбцах: «1652 сентябрь—1653 январь.—Приезд персидской области Тефлисского Урустоп-хана посланника Мегмет-хан-бека»; путь Авриля—(Ph. Avril) Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour decouvrir un nouveau chemin à la Chine (Paris MDCXCII, chez Cl. Barbin, J. Boudot et Q. et L. Josse) p. 136—157. Мегрельский посол и Иевской выехали с Терека «после Петрова дня неделя спустя», т.-е. около 6 июля и были в Москве 15 ноября, всего в пути около 4½ месяцев, при чем некоторые выражения документа («пригнал ко государю... гонец», «с Саратова конми ехал степью») позволяют предполагать, что от Саратова они ехали верхами. Даты выезда Мегмет-хан-бека с Терека мы не знаем; можно предполагать, что он выехал оттуда в начале августа. Из Астрахани он выехал 21 сентября, но не доезжая Саратова «зазимовал» и добрался до Саратова только к 3-му декабря. Здесь произошла вторая задержка из-за долго не устанавливавшегося ледостава и зимнего пути; из Саратова выехали только после 20 декабря и прибыли к Москве к 30-му января, всего в пути около 6 месяцев, от Саратова до Москвы 6 недель. Авриль выехал из Астрахани 19 октября; за Царицыном его судно сгорело и он пересел на военное судно, но не доезжая Саратова они были задержаны ледоставом и дошли до Саратова по льду под сильным артиллерийским эскортом, ожидая нападения калмыков. Из Саратова он двинулся в Москву, с торговым обозом, 10 декабря и прибыл туда около 15 сентября: всего в пути от Астрахани около 3-х месяцев, от Саратова 5 недель. Авриль замечает, что торговый обоз, с которым он ехал, служил для него надежной защитой в пути, но за то очень замедлял движение; обычно де путь от Саратова до Москвы делается в 20 дней. На сплошной водный путь от Терека до Москвы, вверх по Волге, Оке и Москва—реке уходило, как увидим дальше, около 5 месяцев, а от Саратова до Москвы 3 с лишним месяца.

Прежде чем перейти к характеристике сплошного водного пути через Астрахань, укажем, что был еще другой путь из Москвы на Терек: это путь через казачий Дон. Между Москвою и Доном в XVII веке существовали, как известно, очень оживленные сношения: из Москвы на Дон шло казакам «государево жалованье» — деньгами, хлебом, порохом, свинцом и другими припасами; через Дон проходили иногда посольства из Турции в Москву и обратно [12]. С другой стороны, есть сведения о прямых торговых сношениях нижнего Дона с Тереком [13]. Путь на Терек через Дон представлял, однако, не мало трудностей и опасностей, особенно за Доном, в предкавказских степях. До Дона на каждом шагу можно было ожидать нападения крымцев; водный транспорт на Дону был гораздо хуже оборудован, чем на Волге. Снаряжавшиеся из Москвы посольства на Кавказ никогда не направлялись на Дон, хотя этот путь и был короче пути на Саратов — Царицын — Астрахань [14].

---

[12] Основной материал по истории Дона в XVII веке—«Донские Дела», издан. Археографическою Комиссиею, кн. кн. I—V (в серии «Русская Историческая Библиотека» т. XVIII, XIV, XXVI и XXXIV; СПБ 1894—1913, Птгр. 1917). Это издание заключает в себе данные и по Кавказу в эпоху позднего феодализма и возникновения торгового капитала. Общие сведения о Доне в XVII веке—В. Броневский—История Донского войска, ч. I и II (СПБ. 1834). В. Сухоруков—Историческое описание земли войска донского (Новочеркаск 1867—1872) и В. Дружинин—Раскол на Дону в XVII веке (СПБ. 1889).

[13] «Приезжают в Азов из Астрахани и с Терки русские всякие люди с товары, да с ними же приезжал с Терки кизылбашской тезик...А с Терки до Азову езду будет недели с 3» (1638 г. июня 10.—Распросные речи атамана Дениса Парфеньева и казаков его станицы—Донские Дела, 1, стр. 781; Парфеньев был послан в Москву из Азова от донских атаманов и казаков. Пут Терек—Азов шел по Куре и Манычу; таким путем пробирались в 1667 г. донские казаки к Разину, который был в то время у устьев Терека — С. Тхоржевский—Стенька Разин (СПБ. 1923) стр. 49).

[14] В XVII веке главные пути от Москвы на Дон шли по двум направлениям: Серпухов — Тула—Дедилов—Епифань—Елец—Воронеж, или Коломна—Переяславль (летом, вероятно, водою)—Ряжск—Донков—Воронеж. От Воронежа летом продолжали путь обычно водою: зимний путь был вероятно несколько короче, (срав. «Донские Дела», кн.I, стр. 40—258 и кн. II стр. 195) .Суда для отправки «государева жалования» водою от Воронежа специально строились в Донкове и Ельце и отсюда сплавлялись к определенному сроку к Воронежу; местная администрация жаловалась иногда на недостаток судов в Воронеже (там же, кн. I, стр. 35 и кн. II, стр. 203). Направление прямого пути от низовьев Дона к Тереку, вероятно, видоизменялось в зависимости от настроения степи. Путь от Москвы

И все же, при всех его неудобствах, за сухопутным сообщением оставалось одно преимущество — быстрота. Им и пользовались поэтому в экстренных случаях, когда надо было передать какое-либо спешное известие или срочно доставить те или другие деловые бумаги. В настоящее время, в условиях высоко-развитой техники, для таких целей пользуются воздушною почтою, радио, или разговором по прямому проводу. В XVII веке, при мало - развитой технике эпохи торгового капитала, в таких случаях снаряжали «станицу», легкий конный отряд верхами, человек в 10—15, а иногда и значительно меньше—3-4 человека. Помимо прямого возложеного на них поручения, станичники в пути собирали «вести», иногда подавали местной администрации «доездные памяти», информационные донесения, а иногда даже оставляли такие «памяти» в условленных местах [15]; в Москве со станичников снимались «роспросные речи». Станичная езда. давала очень большой выигрыш во времени. Путь от Терека до Москвы станица покрывала обычно недель в шесть, много—в два месяца [16]. Станицы с Терека в Москву направлялись как на Астрахань, так и через Дон [17].

Сухопутья с Терека на Дон и на Астрахань нам известны. От Астрахани двигались до Царицына, здесь перебирались на Дон к Кременным, отсюда продолжали путь на Хопер, Тамбов, Козлов, Ряжск, Пронск, Переяславль и Коломну к Москве [18]. Вероятно, это был маршрут и той астраханской станицы, которая доставила в Москву Стеньку Руд-

---

до Дона, в зависимости от времени года и других условий, продолжался от одного месяца до двух (срав. там же кн. II, стр. 197, 222, 282—290), и следовательно до Терека—около 3 месяцев

[15] «А на речке на Терновке стоит человек каменный, а у него кладут из Белагороду станичники доездные памяти, а другие памяти кладут на Самаре у двух девок каменных». Книга Большому Чертежу, изд. 2-е, СПБ. 1838, стр. 13.

[16] В 1641 году отправленный 3 апреля с Терека послом князем Мышецким с письмом от царя Теймураза терский боярский сын Василий Вышеславцев прибыл в Москву 14 мая; отправленная оттуда же в самом начале января того же года со срочною корреспонденцию станица стрелецкого сотника Романа Лихачева была в Москве к 7 марта (Мышецкий, стр. 103, 70 и 81).

[17] В 1652 году отставший от посольства Толочанова «Микифоров человек Толочанова» Стенька Руднев был отправлен с Терека в Астрахань и оттуда 28 июля с астраханскою станицею в Москву, куда прибыл к 9 сентября (Толочанов, стр. 196,197). В 1640 году царская грамота на Терек о пропуске кизылбашского посла была переслана через Дон (Донские Дела, кн. II, стр. 31, 32).

[18] Донские Дела, кн. II, стр. 177, 178.

нева. С нижнего Дона, а, следовательно, и для терских станиц, направлявшихся через Дон, был прямой маршрут на Москву, который шел степью на Волуйку, Оскол, Елец, Епифань, Дедилов, Тулу и Серпухов. Этим маршрутом вести из Азова доходили до Москвы в две с небольшим недели[19]. Сопоставляя быстроту движения казачьих станиц от Дона с темпами терских станиц Василия Вышеславцева и Романа Лихачева, а также только что названной астраханской станицы, приходится сделать вывод, что за Доном станичная езда несколько замедлялась. Быть может, и это замедление стояло в связи с неустойчивым политическим положением в XVII веке в степях Предкавказья.

Но все это было лишь для экстренных, спешных сообщений. Для передвижения с тяжелой загрузкой единственным оставался сплошной водный путь Москва-река, Ока, Волга, Каспийское море. Обстановка и условия движения по этому пути обрисовываются довольно отчетливо[20].

Средством передвижения был так называемый «струг», деревянное судно, от шести до пятнадцати и больше метров длины и довольно большой осадки, при большой нагрузке— до 3½ метров. Большой грузовой струг подымал до 500 тонн. Струг был, по преимуществу, гребное судно, но иногда имел мачту («дерево») и парусную оснастку; кроме того, итти мог бечевою и «забежкою»: на лодке уходили вперед, закрепляли за что-нибудь канат и подтягивали струг. Численность экипажа на большом струге была человек 20, кормщик (шкипер; иногда один для двух вместе идущих стругов), водолив и 18—20 «работных людей». Струги бывали опалублены и имели каютные помещения, кладовые, кух-

---

[19] Донские дела, кн. II, стр. 217, 218.

[20] Очень ценный материал для этого—в публикациях о посольствах Мышецкого (глав. обр., стр. 92—99, 178, и 179) и Толочанова (стр. 27-29, 114-116 и 191-192), а также—Белокуров Д. стр. 276, 279, 316 и 317. Из архивных материалов—Дела грузинские в книгах: «№ 3, 1635 дек. 20—1641 апр... Отправление в Грузию российских послов кн. Федора Волконского и дьяка Артемия Хватова... и статейные их списки...» (другой экземпляр статейного списка этого посольства—Публичн. Библ. СССР им. Ленина в Москве, рукоп. № 410). Более ранние исследователи (Костомаров, Мельгунов) при описании водного транспорта Москва — Каспийское море пользовались, главным образом известным путешествием Олеария. Но путешествие Олеария, несмотря на все претерпенные им трудности, было обставлено исключительно благоприятно, а потому и не так типично, как путь Елчина, Волконского, Мышецкого и Толочанова.

ню и т. п. Когда снаряжалось посольство, каждому из послов предоставлялся, обычно, особый струг, и, кроме того, один общий струг для посольской свиты. Струги ходили как по рекам, так и по морю; на море их заменяли иногда «бусы», парусные суда с округленным дном[21]. Судя по всему и принимая в соображения общие условия комфорта в XVII веке, можно думать, что путешествие в стругу, особенно для лиц, едущих по особому назначению, по комфортабельности, мало чем уступало современному волжскому пароходству или курьерскому поезду со спальными местами и вагоном-рестораном.

Водное сообщение между Москвою и Тереком имело, однако, и свои теневые стороны. На низовьях Волги и на Каспийском море грозили те же опасности от социально-недовольных элементов, что и в степи, правда, для едущих по особому назначению, все же, не в такой степени. Посольства, снаряжавшиеся на Кавказ, сопровождал стрелецкий эскорт. Этот эскорт, в пути, смотря «по вестем», мог быть усилен. Посольствам, вообще, рекомендовалось итти «бережно и усторожливо и перед собою посылать для воровских людей голов и сотников стрелецких..., а назади за собою учинити сторожа, велети итти из тех же людей в лехгих судах сторожем, скольким человеком пригоже и смотря по месту и роспрашиваючи корованных людей, которые наперед того в Асторохань хаживали»[22]. Все эти меры предосторожности, конечно, не всегда достигали цели. Все же, однако, «воровские люди», повидимому, предпочитали нападать на купеческие караваны, чем на хорошо вооруженные правительственные суда, хотя эти последние иногда и представляли заманчивую добычу: московские посольства в Грузию, например, везли, обычно, ценные подарки, соболь

---

[21] Интересные материалы о волжских стругах опубликованы в названной выше работе А. Гераклитова. К истории волжского транспорта в конце XVII века. Кроме того, см. Н. Костомаров —Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях («Монографии и Исследования» т. XX). СПБ, 1862, стр. 100—106, и П. Мельгунов. Очерки по истории русской торговли, М. 1905. стр. 226—229.

[22] Мышецкий, стр. 27. Мышецкий вышел из Москвы с эскортом в 10 человек (там же, стр. 59). На низовьях Волги эскорт значительно усиливался, человек до 100, в исключительных случаях—и гораздо больше. В 1637 году, Волконского от Казани до Самары сопровождало 400 человек, но после Самары эскорт начал уменьшаться: до Царицына—100 и с Царицына—80 человек.

517588

меха, иногда денежную казну[23]. Из четырех посольств, материалы о которых были в нашем распоряжении, подверглось нападению одно только посольство кн. Волконского. При выходе в Каспийское море на него напали казаки атамана Кащейка Безбожного. Пришлось выдержать упорный бой, с часу дня до восьми вечера, который, впрочем закончился благополучно: «милостью божиею... воровских казаков многих побили и гоняли за ними морем верст с 10».

Гораздо больше осложнений в пути, да и прямую опасность представляли различного рода аварии. Струг, по самой своей конструкции, был судном довольно промоздким и неповоротливым. При его большой осадке, его легко «наносило» на мель и на подводные камни, на «кость». Простой противный ветер, «встрешные погоды», очень задерживали его ход. На струге трудно было лавировать; в сильную волну его легко захлестывало, что на море представляло уже серьезную опасность: для уменьшения осадки приходилось «метать запасы в воду»[24].

---

[23] Иногда из-за этого происходили, однако, длительные остановки в пути: посольство Мышецкого из-за тревожных вестей «с низу» задержалось в Казани на 19 дней (Мышецкий, стр. 94-95).

[24] Особенно незадачливы были в этом отношении посольства Мышецкого и Толочанова. О невзгодах в пути до Астрахани статейный список Мышецкого ничего не говорит, можно думать, однако, что медленность движения стругов этого посольства об'яснялась именно такими причинами; указанная выше вынужденная задержка в Казани, в данном случае, значения не имела: у посольства Волконского было больше простоя в пути, но шел он быстрее Мышецкого. На море струги посольства Мышецкого «погодою разнесло»; струг, на котором был возвращавшийся вместе с русским посольством грузинский посол митрополит Никифор, сильно отстал. Не доезжая Терека, оба струга, и Никифора и самого Мышецкого, разбило; Никифор добрался до Терека сухим путем, Мышецкий — в рыбачьих лодках. Посольство Толочанова аварии начали преследовать чуть не с самой Москвы. Еще не доезжая Коломны часть стругов «нанесло на карши и на каршах струги их поизломало»; до Коломны шли «с великою нужею». Весь путь до Астрахани шли «мешкатно, потому что погоды были все противные, встрешные, итти было никакими мерами не мочно». Каспийское море встретило их также неприветливо. В волжском устье стояли пять дней за погодою. От Астрахани до Терека шли пять недель. Не доезжая Терека, буря отнесла струг второго посла, Иевлева, в открытое море, струг выдержал четырнадцатидневный шторм и от «морские большие погоды многие запасы пометал в море для легости». Иногда дело кончалось более трагично: отправленное в 1647 г. в Грузию посольство Бабарыкина и Истомина погибло на море под Дербентом (Броссе, стр. LX. Большой матерьял об этой катастрофе—в «Делах грузинских в столбцах» за 1647 и 1648 г.).

К тому же струг продвигался довольно медленно [25]. Сам по себе струг развивал довольно приличную, для технических условий того времени, скорость — в среднем, на участке Москва — Астрахань, около 67 клм. в сутки (в обратном направлении, вверх по течению, конечно, значительно меньшую). Замедляли движение простои — для апровиантирования, ремонта, формирования охраны и различных путевых формальностей. На эти простои уходило до 30 дней, и потому фактически струг продвигался в сутки, приблизительно, на 40 клм. Весь путь от Москвы до Астрахани, в среднем, проходили в 89 дней; до Терека—в 102 дня. В обратном направлении, от Терека до Москвы—в 143 дня; от Астрахани до Москвы—в 131 день [26].

Такая медленность продвижения, особенно в обратном направлении, с Терека, помимо общих неудобств, грозила еще одною большою неприятностью — попасть в ледостав, который на этом пути иногда начинается—на реке появляется так называемое «сало» — во вторую половину октября [27]. Все это заставляло довольно точно фиксировать сроки отправления, что при уровне техники того времени, громоздкости бюрократического аппарата ранней эпохи торгового капитала и вытекающей отсюда медлительности сборов, было не легко. Из Москвы надо было выезжать не позже начала июля; на обратном пути с Кавказа надо было подогнать в Астрахань к июню. Незначительное опоздание могло сорвать поездку.

Единственный, сам по себе комфортабельно обставленный способ сообщения между Москвою и Кавказом был и медлителен и небезопасен.

ТЕХНИКА РАЗВЕДОЧНОЙ РАБОТЫ.

При таких условиях сообщения, Московское государство, не располагавшее в конце-концов большими свободными средствами, и в техническом и научном отношении

---

[25] Рейсы XVII века Москва—Астрахань—Терек — см. Приложение II.

[26] В отдельных случаях от всех этих цифр возможны были, конечно, значительные уклонения в обе стороны: посольство Елчина прошло весь путь в 79 дней; Мышецкого—в 122 дня.

[27] Так это и случилось, как мы видели выше, с мещерским послом и Аврилем. Быть может, отчасти такие же соображения заставили возвращавшееся посольство Толочанова оставить в Нижнем суда и итти отсюда до Москвы сухим путем—на Муром (Толочанов, стр. 198).

довольно отсталое, не могло, конечно, и думать о снаряжении специальных разведочных экспедиций на Кавказ. Такую роскошь в деле географических изысканий редко могли себе позволить в ту эпоху даже наиболее богатые и вооруженные более высокою техникою страны Запада. В Москве пользовались поэтому всяким удобным случаем, чтобы собрать необходимые сведения о Кавказе. Главным источником таких сведений были сообщения тех лиц, которые прибывали с Кавказа, — местных уроженцев, приезжавших оттуда в Москву с торговыми целями или дипломатическими поручениями, и русских людей, возвращавшихся из поездок по своим частным делам, или из своих служебных командировок. Все эти сведения и концентрировались в Посольском приказе, и все говорит за то, что к концу XVI и, в особенности, в XVII веке информационная часть в этом приказе была поставлена весьма недурно. В сущности, всякий, кто переходил на Тереке рубеж Московского государства, должен был быть готов к опросу, который, в конечном итоге, почти всегда находил отражение в делопроизводстве Посольского приказа. Что же касается дипломатических миссий, снаряжаемых в это время из Москвы в различные области и страны Кавказа, то почти каждая из этих миссий была в то же время и организованной разведочной экспедицией.

Приезжает, например, в 1604 г. в Москву из Ках(ет)ии посольство, «старец Кирил да под'ьячей Сава» для согласования военных операций Москвы и Ках(етин)ского царя Александра против шамхала тарковского. Как было выше-указано, вопрос о совместных действиях против шамхала был один из основных вопросов московско-ках(етин)ских отношений в XVI веке. Еще в девяностых годах этого века Москве удалось укрепиться,—правда, как скоро оказалось, не особенно прочно, — на реке Койсу[28]. Теперь, во время переговоров с Кириллом, были получены довольно обстоятельные стратегическе и экономические данные, осведомлявшие значительно дальше — вглубь владений шамхала, о городе Тарку и районе реки Буйнака[29]. Согласно этим

---

[28] Нынешняя река Сулак, образующаяся из слияния Андийского и Аварского Койсу; последняя, в свою очередь, образуется из слияния Черного (Кара)—и Казикумыхского Койсу.

[29] Реки, носящей такое имя, на дагестанском побережьи Каспийского моря нет. Близь нынешнего селения Буйнаки в море впадает река Урус-булах.

данным городом Тарку—в 2-х верстах от моря, в пятнадцати верстах от русского укрепления на р. Койсу, и в шести днях пути от Терского города, прекрасно укреплен самою природою. Горная гряда, сажень в тридцать высоты, покрытая густым лесом, подходит здесь к самому морю и заканчивается со стороны моря природным барьером. Под защитою этого барьера было возведено каменное укрепление, с верхней башни которого «мочно очищать из наряду (т.-е. артиллерийским огнем) до моря и во все стороны». Здесь же, под барьером, и дворец самого шамхала. В ближайших окрестностях много камня, пригодного для крепостного строительства и известняка, а также строевого леса, главным образом, дубового. Реки нет, но зато много горных ключей, дающх прекрасную воду. Окрестные жители, в настоящее время дворов 20—30 (очевидно крепостные самого шамхала и его вассалов), занимаются хлебопашеством. Тарку—узловый пункт дорог на Дербент и Баку, на Шемаху и в Ках(ет)ию. Верстах в пяти от Тарку—соляное озеро — Тузлук (в друг. ред. — Бузлык [30]), верст двадцать в окружности, на равнине, также очень удобной для поселения, богатой ключевое водою, лесом, травою и пашнею. Это озеро — единственное место добычи соли для всего окружного района, так как в горах здесь соли нет. Кто держит в своих руках это озеро, тот господствует над всем этим районом. Река Буйнак — с реку Кайсу. Верст пятнадцать вверх по ней, куда с моря могут доходить суда, на расстоянии дня пути от Тарку — старинное заброшенное укрепление, возведенное еще Александром Македонским, триста сажен в длину и ширину. Стены и башни еще сохранились, только—«пообсыпались». В окрестностях много сел и деревень; виноградников, пашен и лесу. От этого городища — две дороги: на Дербент и на Шемаху и Баку. До Дербента день пути; до Шемахи — четыря дня; от Шемахи до Баку—два дня. Первоклассный стратегический пункт: «и как на том месте город будет—и те дороги все отоймутца» [31].

Другой пример. В 1665 г. в Москве был грузинский митрополит Епифаний, посланный от царевича Николая Да-

[30] Туралинское озеро близь Магач-Кала; «тузлук»—соляной раствор.

[31] Белокуров К.—стр. 401 и 404; сравн. описание Тарку конца XVIII века в «Записке персидского похода 1796 г.» П. Буткова (в его «Материалах для новой истории Кавказа», т. II, стр. 569, 570).

видовича, внука кахетинского царя Теймураза, с известием о присяге, данной горскими жителями, тушинами, на верность Москве[32]. Путь Епифания из тушинской земли в Москву шел через город Чечень, когда-то поставленный, повидимому, русскими на самом предгорьи Кавказского хребта. Узнав об этом, московское правительство не замедлило собрать от Епифания и его свиты подробные сведения об этом городе. Приводим целиком относящийся к этому архивный документ. У Броссе (указ. место) сведения сообщенные Епифанием переданы черезчур суммарно, да и не совсем точно.

173 г.[33] апреля в 12-де указал великий государь... роспросить грузинского митрополита Епифания и грузинцев и тушинцев, которые с ним приехали, про город Чечень, давно ли он разорен и далеко-ль от Терка и от Гребней и хто ныне тем местом владеет. И грузинский митрополит Епифаний и грузинцы и тушинцы сказали — город Чечень был великих государей... российских, был поставлен у реки Чечени от Терка в полтретьех днищах, а до Гребней в полтора зорил, того они не ведают. И ныне на том месте вал земляной есть. А блиско де того города ныне поселился деревню кумыцкой мурза Алкан, а на Тереке у него дан в аманаты племянник ево. И как де они ехали из Туш, и у того мурзы были. И тот де мурза для царского величества им учинил почесть и корм им дал и провожатых до Гребней послал. И приказывал с ним митрополитом великому государю... известить, чтоб великий государь пожаловал, не велел ево с людьми ево с того места, где он ныне поселился блиско города Чеченя согнать. А он де великому государю... служити рад и в аманаты на Терек даст сына своего. А от того де места, где тот мурза живет и где был город Чечень, до Туш, где ныне царевичь Миколай Давидович живет, днище езду. А меж Туш и города Чеченя стоят два кабака горских кистичант, а людей в них з двести человек. И от тех горских людей им проезду нужен, без подарков никово не пропускают. А подарки де емлют большие. И ныне де с него митрополита взяли сто киндяков до двадцать дарас. И

---

[32] См. Броссе стр. LXV.

[33] Т. е. 5173 г. от сотвор. мира—1665 г. нашей эры.

говорили де им те кистичанские владетели: буде де укажет великий государь»[34].

Сведения, подобные тем, какие были сообщены московскому правительству старцем Кириллом или митрополитом Епифанием, освещали некоторые детали в областях, и без того ему сравнительно хорошо известных, или ориентировали его в районах, так сказать, ближайшего стратегического воздействия, а за тем и экономического приложения торгового капитала. Мало-по-малу, главным образом, в XVII веке начинают накопляться данные, позволяющие московским правительственным и торговым сферам составить более четкое представление и о более отдаленных областях Кавказа — о Закавказьи. Приедет в Москву «иверские земли хопивский и ланильский митрополит» Герман за обычною милостынею для своей эпархии, и в Посольском приказе не преминут, распрашивая его о церковных делах, собрать хотя бы краткие статистические и политические сведения о «старых Грузех»[35]. Возвращается в Москву из своего «похождения во Иерусалим, и во Египет и во Царьград» казанский купец Василий Яковлевич Гагара, сумевший

---

[34] Дела грузинские в столбцах: «1665 апреля 12.—Допрос грузинскому митрополиту Епифанию и прибывших с ним грузинцев о городе Чечене, давно ли оной разорен, далеко ль от Терков и от Гребеней, и кто ныне тем городом владеет». Документ конца не имеет. На территории Северного Кавказа есть несколько селений, носящих имя Чечень .Может быть, здесь—указание на одно из поселений гребенских казаков, вопрос о времени и месте расселения которых на «Гребнях» не вполне выяснен; срав. И. Попко. Терские казаки с стародавних времен; СПБ, 1880, И. Бентковский. Гребенцы. М. 1889 и Белокуров К. стр. XLI, XLII.

[35] «А монастырь его, в старой грузинской земле, успения пресвятые богородицы, в городе Хопи, и братья 10 человек. А смежны те старые Грузии с дадианскою землею, а в тех Грузех царь Александр греческие веры. А земля небольшая, городов в 20 или немного боле. А Теймуразу де грузинскому царю царь их Александр зять». Дела грузинские в столбцах: «1646 июнь 14.—Приезд в Москву через турецкие области грузинского города Хопия успенского монастыря митрополита Германа для испрошения милостыни». В своей челобитной (те же дела, 1652 июль 18—сент. 14) Герман именуется митрополитом «Хопивским и ленилской земли», а в данной ему царской грамоте (там-же)—«митрополитом города Хопия и Аления». В словах «ленилской» и «Аления» быть может, надо видеть искажение корня «алан». В грамоте Мамиа Гуриели иерусалимскому патриарху Феофану предположительно ок. 1613 г. упоминается «митрополит Алании» (Музей Грузии „ალანისა მიტროპოლიტი“ — № 1913; указание на эту грамоту было нам сделано Г. Ф. Бочоридзе, за что приносим ему свою благодарность).

сочетать свое религиозное усердие с коммерческими операциями в Персии и державший путь через Кавказ, и Гагара, должен отчитаться о своем путешествии перед правительством. В дошедших до нас текстах «хождения» Гагары, в основе которых, очевидно, лежит такой отчет, заключаются интересные сведения о Тифлисе — о топографии города, системе его укреплений, о тифлисских банях. Гагара совершал свое путешествие в 1634—37 г. г. В эти годы заметно оживляются — после приезда в Москву посольства митрополита Никифора Ирбаха — сношения между Москвою и Грузией. Но сведений о Карт(а)ли(ни)и и, в частности, о Тифлисе доходило до Москвы мало: Тифлис, находившийся в это время в руках шаха, не лежал на главном пути русско-персидской торговли; русские посольства, отправляющиеся в Персию, через Тифлис также не шли. Сообщение Гагары было в этом отношении как нельзя более кстати [36].

Высылает вперед себя возвращающееся из Грузии посольство Волконского и Хватова входившего в состав этого посольства кречатника Ивана Ковалева, и, несмотря на то, что через какие-нибудь 2-3 месяца вернется само посольство и даст подробный отчет о своей миссии, Иван Ковалев должен сообщить не только о судьбах посольства, но и о естественных богатствах и ценах на сельско-хозяйственные продукты в Ках(ет)ии [37].

И так далее, и так далее... И все это находит отражение в делопроизводстве Посольского приказа, все записывается, все фиксируется. «Указал государь дьякам... распросить. И в Посольском приказе... распрашиван, а в распросе сказал» — эта формула на каждом шагу бросается в глаза, когда углубляешься в приказные столбцы.

---

[36] Лучшее издание «хождения» Гагары (под редакцией С. Долгова)—в «Православном Палестинском Сборнике», вып. 33 (СПБ. 1891). После этого издания в 1924 г. в «Сборнике Российской Публичной Библиотеки» т. II стр. 230—247. В. Адриановой - Перетц было сообщено о вновь найденных ею текстах, «хождения» Гагары, значительно осложняющих вопрос об авторе этого произведения. Вполне примкнуть к собственному взгляду В. Адриановой - Перетц пока вряд ли возможно. Во всяком случае, и она сама допускает, что лежащий в основе этого произведения разсказ какого-то поломника, проходившего через Кавказ, попал в донесения московских послов в Персии, а следовательно был зарегистрирован и в Посольском приказе.

[37] Дела грузинские в столбцах: «1639 окт.—Ропросные речи бывшего в Грузии при российском посольстве Ивана Ковалева».

В длинной цепи всех таких опросов, сообщений и информаций несколько особый интерес представляет для нас здесь тот опрос о «дидианской земле», т.-е. о Мегрелии, какой был учинен в Посольском приказе в 1636 г. грузинскому послу, упомянутому выше митрополиту Никифору, ввиду ожидаемого прибытия в Москву «дидианского» посла[38]. Этот опрос вскрывает перед нами технику таких опросов, производившихся в Посольском приказе. Вся эта информационная, разведочная работа Посольского приказа слагается из мелких частиц, весьма мозаична и, по технике, на первый взгляд, еще очень кустарна, ремесленна — «мелкопроизводственна». Обстановка, в какой производился опрос Никифора, обнаруживает уже некоторый «прогресс техники» — сопоставление и проверка получаемых из различных источников сведений и систематизация самого опроса.

14 декабря 1636 г. в Москве была получена «отписка» (донесение) с Терека, от терских воевод Василия Ромодановского «с товарыщи». Воеводы доносили, что 11 августа в Терский город прибыл «дидианские земли посол». Ему было отведено помещение, и он был приглашен в «с'езжую избу» (воеводская канцелярия), где с него был снят опрос. С одной стороны, этот опрос был как бы легитимацией для самого посла; с другой стороны, давал, конечно, для местной администрации известные сведения о мало еще известном крае Кавказа, мог в дальнейшем им пригодиться в их ответственной служебной работе на далекой окраине Московского государства. На Тереке, в местном кавказском масштабе, производилась такая же информационная работа, как в Москве, в Посольском приказе шла в более широком масштабе, куда кавказоведные разведки входили лишь как часть более сложного целого. Этот опрос, очевидно, удовлетворил терских воевод, но тем не менее они не считали возможным взять на себя дальнейшую отправку посла, и запрашивали теперь об этом Москву.

---

[38] Относящиеся к этому опросу документы—Дела грузинские в столбцах: «1636 дек. 14—1639 мая—Приезд от дадианского царя Леонтия посла священника Гавриилы с прошением о принятии его со всею землею в российское подданство». Вопросы, предложенные Никифору—в этом деле, л. 4. Показание Никифора (там же лл. 4—7) опубликовано—Белокуров Д., стр. 267-268. Здесь ниже это показание приводится с текстуальной точностью, но с перестановкой отдельных фраз, в том порядке, в каком задавались вопросы Никифору.

В Москве, по получении терской отписки, решили собрать более подробные сведения о «дидианской земле»; кстати, тем самым можно было проверить и показания, данные на Тереке послом Гавриилом. Самым компетентным лицом в этом отношении был, конечно, пребывавший в Москве грузинский посол, митрополит Никифор, владевший к тому же греческим языком, а этот язык был знаком в обиходе Посольского приказа. Царь возложил это дело на думных дьяков — Федора Лихачева, управлявшего в то время делами Посольского приказа, и на его помощника Максима Матюшкина, а те, в свою очередь, поручили это переводчику Ивану Дмитриеву и приставу, прикомандированному к митрополиту Никифору, Федору Шишкину. Была предварительно выработана анкета, и Никифор делал свое сообщение по вопросам этой анкеты.

Вот эти вопросы, и вот ответы Никифора; слова в прямых скобках — наши пояснительные замечания.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. В которых местах та дидиянская земля, х которым государствам прилегла.	1. Дидиянская де земля в теплой стране меж востоку и полуден, краем к Чорному морю, а другим краем к турского царя земле, а третьим краем х кизылбашского шаха земле, а четвертым краем к горским черкасом... А от их де грузинские земли блиско, только меж их пошечюйская землица [Имер(ет)ия] их же грузинские веры, только владеют собою.
2. И хто в них начальник, и сами ли собою владеют или под которым государем в подданстве.	2. А столнова де города у них нет, живут в слободах. А начального де у них владетеля Левонтием зовут, а живет по слободам переезжая... А владеет ими турской царь; а скол давно им владеет, того де он [т. е. Никифор] не ведает. А емлет де с них турской царь дани по 100 человек людей мусково полу и женсково, да по 80000 полотен всяких на год.
3. И которая у них вера.	3. А вера де у них бывала греческая и сь их грузинскою верою одна, только поизшаталася; а языки разные, а жон имеют по одной. А монастыри де и церкви у них и епископы и черницы и попы есть.

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
4. И что в ней родится и какие товары, и сколь та земля велика.	4. А земля де их не велика... А денег де у них нет, тортуют полотны и всякими товары, которые у них есть, меняют..... А хлеб де в их земле родитца: пшеница, ячмень, просо, семя конопянное, а ржи нет; а красных всяких питей [виноградных вин] много: а едят все кашу просяную, а хлебов не пекут. И из ыных государств к их землице морем корабли с Чорного моря с товары приходят, а у них покупают воск, вино фряское, полотна, что словут на Руси коленские, пряжу в чем рыболовя неводы делают. А делают де они те полотня и пряжу ис поскони [конопля], а не изо лну, родитца де та поскань у них же в дидиянской земле.
5. И каким нравом люди, и какова людна.	5. А людей де мусково полу в их земле с 60.000. А на войну никуды не ходят и пушек и ружья никакова у них нет... А чин у них таков, что владетель их Леонтей или хто будет иной людей тае земли, ково хочет в иные государства продают и в поминках [т. е. в подарок] посылает; да не токмо де что владетель продает, и отец детей и брат брата, и муж жену, и жена мужа продают, и на товары приезжим торговым людем меняют... А ходят наги, толко тайные уды прикрыты.
6. Особые дополнительные сведения, сообщенные Никифором.	6. И как де он митрополит Никифор поехал из своей земли, и государь де ево грузинской Теймураз царь с их дидиянским владетелем с Левонтием был не в миру за то, что де тот Леонтей затя своего ослепил, а сестру свою родную выдал за кизылбашского шаха. Да он же де убил дядю своего, отцово родново брата казнил смертью, а жену ево, а свою тетку взял за себя, а свою жену казнил.

Результаты этого опроса были доложены царю, и после этого последовала царская грамота на Терек об отпуске «дидиянского посла» в Москву[39].

Не вдаемся в углубленный критический коментарий сообщений митрополита Никифора: такой коментарий, вообше, не входит в задачи настоящей работы. Нас сейчас интересует вопрос о технике информационной работы Посольского приказа, и данный случай отчетливо вскрывает перед нами отдельные стадии этой техники: предварительный, с удостоверительною, а отчасти и с информационною целью опрос на месте; сообщение о результатах такого опроса в Москву, где концентрировались все такие сведения; строго проработанная, и в смысле подбора лиц и постановки вопросов, новая информация более широкого масштаба в Москве, частью, как проверка сведений, полученных с мест, частью—сообщающая новые более углубленные сведения о данном районе.

Анкета Лихачева и Матюшкина, по которой опрашивался митрополит Никифор, была сокращенной редакцией той анкеты, которая вырабатывалась в это время, и вероятно при ближайшем участии тех же лиц в Посольском приказе, для посольств, отправлявшихся в XVII веке в Грузию.

МОСКОВСКИЕ ПОСОЛЬСТВА В ГРУЗИЮ, КАК РАЗВЕДОЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ; ИХ МАРШРУТЫ.

Каждое такое посольство, как мы уже сказали выше, было в то же время и разведочной экспедицией, и при том производившей свои разведки по вполне определенным заданиям. Эти задания определялись в тех наказах, какими снабжались, при своем отправлении, московские посольства того времени.

На основании этих заданий посольства и производили свои разведки, как в пути, так и на месте своего назначения. Все это заносилось в так называемый статейный список, тот отчет, который представлялся посольством, по его возвращении, в Посольский приказ. Эти разведки к исходу XVII

---

[39] Не мешает отметить, что по приезде этого последнего в Москву, показания Никифора были подвергнуты как бы проверке: 16 ноября (1638 г.) «дидиянского» посла опрашивали в Посольском приказе теже дьяки, Лихачев и Матюшкин, и еще Григорий Львов (почти по той же самой анкете, по какой опрашивался Никифор). Сообщения посла во многом разошлись с сообщениями Никифора, см. об этом Белокуров Д. стр. 270—272.

века значительно расширили и углубили круг сведений московского правительства о Кавказе.

В XVII веке московскими посольствами, побывавшими в Грузии, было проделано несколько новых маршрутов, которые вели с Терека в Закавказье, иногда через трудные высокогорные перевалы, и которые до этой поры или оставались совершенно неизвестными или же считались не достаточно обследованными. Теми же посольствами были составлены подробные описания таких районов Кавказа, которые точно также оставались до этого времени полнейшею «terra incongnita» для Москвы или, в лучшем случае, не были достаточно изучены в географическом, экономическом и стратегическом отношении.

К этим двум моментам—к изучению новых маршрутов и к планомерному описанию малоизвестных, а иногда и совершенно неизвестных районов за высотами Кавказа, и сводилась разведочная работа московских посольств — экспедиций XVII века[40]. Начнем с первого — с тех маршрутов, какими в этом веке проникали с Терека в Грузию.

До исхода XVI века сведения Москвы о транскавказских маршрутах ограничивались, если не говорить о путях русско-персидской торговли на Шемаху, сведениями об исконном пути через Дарьял — на основании опыта, и о путях через Дагестан в Ках(ет)ию — по сторонним сообщениям.

В XVI веке все московские посольства, направлявшиеся в Ках(ет)ию, шли кружным, трудным и продолжительным путем через Дарьял. От Терского города шли вверх по Тереку и Сунже через земли различных владетелей Малой Кабарды, приблизительно до того пункта, где верховья Сунжи подходят к Тереку. Отсюда начиналась горная часть пути. Миновав Ларс, с большими трудностями проходили Дарьял и здесь вступали в «Сонскую землю» или «Сони». Здесь начинались владения «Аристопа Сонского», т.-е. арагвинского эристава[41]. Перевалив через горы и спускаясь по

---

[40] Для всего дальнейшего изложения—см. Приложение III.

[41] Термин «Сони» очевидно одного корня с svan, в русских документах XVI и XVII в.в., применяется в очень широком масштабе не только к нынешней Сван(ет)ии, но и ко всей окружной горной области, приблизительно до линии Терек—Арагва. «Аристоп сонский» статейных списков XVI века несомненно—эристав арагвинский, но в других случаях это может оказаться и эристав ксанский и эристав рачинский, так как и их владения частично входили в состав сонской земли.

р. Арагве, после Ананура сворачивали влево от нынешней Военно-Грузинской дороги и по сравнительно удобному пути вступали в Ках(ет)ию с севера, со стороны верхнего течения р. Алазани.

Наиболее отчетливо весь этот маршрут восстанавливается по статейному списку посольства 1589—1590 г. г. князя Звенигородского и дьяка Торха Антонова[42]. Поднявшись с устья Сунжи 14 сентября, посольство заночевало у «Горячего Колодца», где нынешняя Горячеводская станица, в 19 клм. на СВ от Грозного[43]. Отсюда двинулись 17 сентября и до 20 сентября шли вверх по Сунже — до ее притока р. Быстрой, где Сунжа подходит к Тереку. 21 сентября перешли на Терек, где был «кабак», т.-е. поселения князя Алкаса кабардинского. Отсюда шли вверх по Тереку и перешли его, очевидно, с правого берега на левый, в Черных Горах, первый с севера хребет Большого Кавказа, между Владикавказом и Балтою, где Терек, вырвавшись из гор, течет уже медленнее, разбиваясь на ряд нешироких, более удобных для перехода рукавов. С 24 на 25 сентября ночевали, пройдя «Ларсов кабак», под Шатгорою, т.-е. Шан-горою (по правую сторону Терека, выс. 14.532 метра). Дальше шли «щелью» реки Терека, где приходилось несколько раз наводить для перехода мосты, и 27 сентября ночевали под «Черебашевым кабаком», находившимся уже в «Аристова князя сонской земле». 28 сентября прошли «большой сонский кабак», вероятно сел. Степан-цминда у подножья Казбека, и дальше шли по левому берегу Терека, а не по правому, как идет нынешняя Военно-Грузинская дорога. 30 сентября им пришлось снова перейти Терек для под'ема на Крестовый перевал—«между Терского верховья и Арагуя реки». Самый переход через горы в отчете о посольстве Звенигородского, к сожалению, не описывается, и дальше только отмечается, что до 4 октября им пришлось стоять на Арагве: «от дожжов река Арагуй была велика», под «Аристовым кабаком». 5 октября они перешли «рубеж Аристовой земли» на той же реке и 8-го были на реке «Лозани».

---

[42] Белокуров, К. стр. 127—154.

[43] «А ниже Курны реки 20 верст пал в Терек справые стороны, колодезь Горячей. А ниже того колодезя 40 верст, пал в Терек другой колодезь Горячей. А ниже колодезя Горячего пала в Терек река Сунца». Книга Большому Чертежу, изд. 2-е, СПБ. 1838. стр. 62. «Колодезь»—ручей, маленькая река.

Этот кружный путь представлял, однако, большие неудобства. Проходя через земли многих феодальных владельцев, приходилось делать огромные траты на подарки. Горная часть пути представляла трудно - преодолимые естественные преграды; в одном Дарьяльском ущелье приходилось каждый раз строить несколько мостов через Терек. На весь путь уходило больше месяца, в исключительно благоприятных условиях—не менее 25 дней. В обстановке переговоров о согласовании военных действий Москвы и Ках(ет)ии против шамхала, естественно возникал поэтому вопрос о кратчайшем и стратегически наиболее удобном сообщении между Тереком и Ках(ет)ией.

Этим вопросом очень интересовались в то время в Москве. Так, об этом подробно расспрашивали бывших в 1588 г. в Москве ках(етин)ских послов князя Каплана Вачназина (т.-е. Вачнадзе) и «старца» Кирилла и «черкасских» послов Батая, от окуцкого мурзы Шиха, а Аслан-бека—от кабардинского князя Алхаза. Ках(етин)ские послы могли сообщить сведения лишь о пути через владения самого шамхала — на Кафиркумух, Козаныч и Казикумух, откуда, по их словам, легко было уже перевалить в Ках(ет)ию. На такой путь от Терека до Ках(ет)ии, по словам Вачнадзе, требуется 15 дней. Батай и Аслан-бек особенно рекомендовали путь на окуцкие владения и на владения князя Аварского и Черного. Направление этого пути в общих чертах определяется довольно легко: поселения окуков, или ауков, были на северных предгорьях, между р. р. Аксаем и Акташем; дальше путь шел по рекам Аварское и Черное Койсу. Этот путь, на который требовалось также не более 15 дней, оставлял значительно влево владения шамхала, и представлял, по словам Батая и Аслан-бека, большие удобства: «дорога добре добра, гор мало и воды не велики и государевым ратным людем... прокормиться будет мочно»[44]. Всем посольствам, отправляемым в XVI веке из Москвы в Ках(ет)ию, предписывалось точно также итти, по возможности, «на Риха мурзу Окуцкого, да на Аварского, да на Черного князя »или «на шевкалы»[45]. Но проделать эти маршруты так и не пришлось. Первая попытка наступления на шамхала закончилась в 1605 году поражением на голову московской армии Бутурлина и Плещеева, а начавшаяся к

---

[44] Белокуров К. стр. 59—61.

[45] Белокуров К—стр. 18, 94-95, 242-244 и 270.

этому времени в Московском государстве революция отодвинула на задний план вопросы кавказской политики: в эти годы было не до кавказоведных розысканий.

Район от линии Терек — Арагва на восток к Каспийскому морю, вот та сравнительно небольшая часть горной области Кавказа, в пределах которой были осведомлены в XVI веке в Москве, да и то отчасти из вторых рук, о транскавказских маршрутах. В XVII веке целая сеть московских розысканий в этом направлении, и при том из первых рук, охватывает всю горную область Кавказа. Подготовка, как политическая, так и экономическая общекавказского фронта для будущей борьбы за преобладание на Кавказе и за Кавказом составляла в это время, как было уже сказано, основное устремление кавказской политики Москвы. Одно из главных мест в этой политике начинают занимать теперь московско - грузинские отношения, до этого времени входившие лишь как некоторая составная часть в северно-кавказскую политику Москвы и ограничивавшиеся сношениями с Ках(ет)ией, а теперь развертывающиеся в общегрузинском масштабе. Московско - грузинская политика XVII века, в увязке отдельных разветвлений и моментов этой политики между собою, еще недостаточно захвачена научно-исторической разработкой и не укладывается, во всем своем об'еме, в рамки настоящего очерка. Отметим только, что благоприятной кон'юнктурой для общекавказских устремлений Москвы были ясно выразившиеся в эту пору стремления ках(етин)ского правительства создать, отчасти на почве, зарождавшихся уже экономических связей Грузии с Москвою, соглашение между отдельными частями Грузии и, с помощью вооруженной поддержки Москвы, дать отпор Персии. Ссориться из-за Грузии с Персией пока еще не входило в расчеты московского торгового капитала, это означало бы закрыть для себя персидский рынок, основную базу почти всей московской торговли XVII века. Поддерживать в грузинских господствующих классах московскую экономическую и политическую ориентацию, а заодно, через Грузию, зондировать положение на Кавказе и Персии и Турции—от этого Москва была не прочь.

Московские посольства появляются теперь не только в Ках(ет)ии, но и в Западной Грузии — в Имер(ет)ии и в Мегрелии. На долю этих посольств и выпадает как изыскание новых транскавказских маршрутов, так и более систематическое и углубленное изучение тех областей Кавказа,

куда эти посольства направлялись. В 1638 г. посольством князя Волконского и дьяка Хватова был пройден в новом варианте старый маршрут, вверх по Тереку, в Ках(ет)ию. В 1642 г. посольство князя Мышецкого обследовало путь туда же через прикаспийские области Персии. Приблизительно в эти же годы были впервые пройдены, туда и обратно, маршруты через высокогорные перевалы Западного Кавказа — под'ячим Елчиным и священником Захарьевым, через карачаевскую Кабарду, перевал Донгуз-Орун и Сван(ет)ию, в Мегрелию (1639—1640 г.), и Толочановым и дьяком Иевлевым через Балкарию, перевал Гезе-вцек и Рачу, в Имер(ет)ию (1651 г.).

Посольство Волконского и Хватова было ответом на первую миссию в Москву грузинского митрополита Никифора Ирбаха. Именно, с момента этих миссий — Ирбаха в Москву и Волконского в Ках(ет)ию, московско-ках(етин)ские переговоры начинают более энергично развертываться во всю широту обще-грузинского охвата. Митрополит Никифор Ирбах первый к тому же попытался подкрепить политические положения ках(етин)ского правительства теми экономическими перспективами, какие открывались, по его мнению, для московского торгового капитала в Грузии, прежде всего в виде возможности разрабатывать здесь серебренные рудники. Посольство Волконского, вместе с которым возвращался и сам Никифор, было обставлено очень внушительно. Кроме политической миссии, на него возлагался «досмотр и исправление христианской веры», для чего посольство сопровождала целая комиссия из духовных лиц, с игуменом Ипатского монастыря Иосифом во главе. Для придания внешнего блеска православию, этому постоянному, как раньше, так и много раз позднее, идеологическому прикрытию захватнической политики Москвы в предстоящей теперь борьбе на Кавказе московского торгового капитала с «нечестивыми агарянами», в разоренную персами Ках(ет)тию посылались мастера церковного дела и богатые запасы строительного материала — красок, слюды и железа.

По прибытии посольства на Северный Кавказ, для него выяснилась невозможность итти через сонскую землю и Дарьял, ввиду разрыва в это время отношений между арагвинским эриставом и его сюзереном, ках(етин)ским царем Теймуразом I, к которому направлялось посольство. Волконский и Хватов прошли, поэтому, через «хавсу» и «тузи»

т.-е. через Хевсурию и Туш(ет)ию. Войдя в ущелье Терека, они взяли влево и шли, вероятно, вверх по Кистинке. Далее, через Садзельский перевал, или через Архотский, вышли на хевсурскую Арагву, шли вниз по этой реке и вверх по пшавской Арагве. Отсюда, снова через горы, около Барбало, вышли к истокам Алазани, откуда уже, вниз по этой реке, им открывался прямой путь в Ках(ет)ию. Маршрут, по природным условиям, оказался средней трудности; на весь маршрут от Терека до Алавердского монастыря, включая различного рода задержки в пути, требовалось до полутора месяца[46].

Следующее посольство в Ках(ет)ию, князя Мышецкого, получило определенное предписание итти «через шахову землю»[47]. Детальный выбор пути по этому направлению предоставлялся, конечно, самому посольству: «на Шамаху, или на иные, на которые места, куда лутче и податнее, смотря по тамошнему делу». Посольство везло с собою большие и громоздкие ценности — денежную субсидию ках(етин)скому правительству в двадцать тысяч ефимков и соболи меха, 46 «сороков», т.-е. 1.840 штук, ценою на 2.220 рублей[48]. Указанный маршрут мог представляться и более удобным по природным условиям и более безопасным. Шахское правительство и все прикаспийские вассалы шаха были предупреждены о приезде посольства особыми грамотами[49]. Одновременно представлялся удобный случай получить обстоятельную информацию о положении дел в кавказских областях Персии. Маршрут посольства Мышецкого по дням следования и пунктам остановок определяется до-

---

[46] Архивные материалы, относящиеся к посольству Волконского и Хватова, пока еще не изданы и потому маршрут этого посольства в настоящее время может быть намечен лишь в самых общих чертах. На краткое изложение этого маршрута у Плоена (см. Броссе, стр. XXX и XXXI) и у самого Brosset p. 39—47 полагаться нельзя, так как и Плоен, и Броссе в старых русских документах и в географии Кавказа разбирались плохо. Подготовляя в настоящее время к публикации названные архивные материалы, мы сами не имели достаточно времени для углубленного восстановления по ним маршрута через Хевсурию и Туш(ет)ию.

[47] Мышецкий, стр. 26.

[48] Мышецкий, стр. 8 и 56. «Ефимок»—русское название имевшего в то время хождение в Московском государстве немецкого талера.

[49] Мышецкий, стр. 26, 69, и 70.

вольно точно[50]. Выйдя с Терека 19 мая, посольство переправилось 2 мая через реку Кизляр, 23-го—через Аксай, 25-го—через Койсу, и 26 мая было в Тарку, где задержалось на 4 дня из-за подвод и препирательств с сопровождавшими его терскими станичниками, не пожелавшими итти дальше. Отсюда путь посольства шел до Дербента по самому берегу Каспийского моря; продвигались довольно быстро, до 30 километров в день, но задержки на остановках были продолжительны и досадливы. К 31 мая были в Буйнаке, к 1-му июня — в Кайтаге, где задержались на целую неделю, так как местный владелец («уцмей кайтацкий») требовал с посольства возмещения тех убытков, какие были, по его словам, в свое время причинены его приказчику в Астрахани. К 8-му июня добрались до Дербента, где новая остановка на 10 дней из-за отсутствия местного владельца, Байрам-салтана, до получения разрешения от которого посольство дальше не пропускали. К 20-му июня были в Шевране(район нынешней Кубы), где пришлось остаться на 3 дня из-за приема у пребывавшего здесь в те дни дербентского Байрам-салтана. Отсюда началась горная, по повидимому не особенно трудная и не особенно продолжительная, всего 3 дня, часть пути — до Шемахи, где за то ожидала новая и самая продолжительная задержка — на 26 дней, из-за препирательств с местным владельцем, Арап-ханом, не желавшим пропускать посольство дальше без особого на то шахского распоряжения. Из Шемахи выбрались только 23 июля. Отсюда шла уже торная дорога — из Персии в Грузию.

Перечисляем главнейшие этапы по этому последнему участку пути посольства Мышецкого, придерживаясь транскрипции статейного списка и, где необходимо, давая в скобках современную, главным образом по 5-верстной карте Кавказа. От Шемахи шли на Залам-Сабур Хачьмазу, Шеку (Нуха), Шебалуту (Шабалут) и Мешебашу (Мешабаши) и 2 августа «пришли на рубеж Теймураза царя земли с шаховою землею, на реку Кан» (вероятно, Капу-чай, левый приток

[50] Мышецкий, стр. 105—127 и 155—179. По своем прибытии на Терек, посольством были высланы вперед к Теймуразу толмач Иван Полщиков, через Дербент и Шемаху, и гребенской казак Петр Федоров, «другою дорогою, через горы», которые и вернулись обратно до выступления посольства в путь (там же, стр. 101, 103 и 104). Вероятно, Федоров ехал через Аварию или через земли кумыков. Его отчета об этой поездке, к сожалению, не сохранилось.

Алазани). Перейдя рубеж, ночевали две ночи в деревне Тасман (Тасмало). Двинувшись 4-го августа в дальнейший путь, 5-го переправились через Алазань и шли дальше «подле кизылбасских гор тефлисской и карталейской стороны, через Кизык до Шонты (Шуамта)», где был в это время царь Теймураз, и куда посольство прибыло 11-го августа.

Обратный путь посольства шел от Алона (Алавани), откуда вышли 26 октября, «подле кумыцких гор» — на Крым (Греми), Королью (Кварели), Гавазу, Тиурю (Чиаури), Зегем и прежнюю дорогу на Шемаху, куда пришли 25 ноября. Здесь выяснилось, что дальше итти прежнею дорогою нельзя: «в горах снеги большие и зима стюдена, и у горских людей голод большой и воровство. И от их воровства и грабежу горами на Терек не пройтить». Пришлось провести жуткую зиму в Шемахе. У Мышецкого, вступившегося за интересы московских торговых фирм в Шемахе, чрезвычайно обострились отношения с местным владетелем Арапханом. Всему посольству грозила гибель. Вырвавшись, наконец, 4 апреля из Шемахи и с трудом добравшись до ближайшей пристани на Каспийском море, посольство водою вернулось в Астрахань.

По природным условиям маршрут Мышецкого, не безизвестный, кстати сказать, в Москве по его торговым и политическим сношениям с Персией, был безусловно гораздо более удобен, чем путь через Дарьял. Дорога шла почти все время низовьем; незначительный горный перегон Шеврань — Шмаха больших трудностей, повидимому, не представлял. Отсюда — более длинные дневные переходы и, следовательно, большая быстрота продвижения: посольство Мышецкого двигалось по этому пути, вдвое более длинному, чем путь через Дарьял, столько же дней, сколько требовалось для продвижения по этому последнему — около 30 дней. Зато, этот путь, по политическим условиям, представлял гораздо больше риску, затруднений и задержек. Продвигаясь по этому пути месяц, Мышецкий потратил более 50 дней на непредвиденные задержки, из-за чего весь его маршрута от Терека до места назначения растянулся почти на три месяца.

Как политическая, а в связи с этим, косвенно, и экономическая разведка, маршрут посольства Мышецкого дал очень много. Все пережитое им на пути в Ках(ет)ию и обратно раскрыло яркую картину начинающегося экономического и политического разложения Персии сефевидов, ко-

лониальной добычи в ближайших за этим веках европейского, включая сюда и Россию, капитала. События, разыгравшиеся на глазах Мышецкого в Шемахе и едва не стоившие жизни ему самому и всему посольству, свидетельствовали о начинавшейся дезорганизации в Шемахе русской торговли, из чего русский торговый капитал в начале XVIII века, при Петре, создал, как известно, casus belli для своего колониального наступления на прикаспийские области Персии.

Несколько особый интерес представляют маршруты посольства XVII века в Западную Грузию — Елчина и Захарьева в Мегрелию, и Толочанова и Иевлева к Теймуразу кахетинскому, в Имер(ет)ию. Посольство Елчина и Захарьева было ответом на посольство в Москву в 1636 г. от владетеля Мегрелии Левана I Дадиани. Об этом «дидианском» посольстве мы говорили уже выше. Посольство Елчина и Захарьева стоит несколько особняком в системе московско - грузинских сношений XVII века; больших политических результатов это посольство не имело. Посольство Толочанова и Иевлева — как бы заключительное звено в той цепи переговоров, какие ведет в это время, как мы уже знаем, Теймураз ках(етин)ский с Москвою, и в которые включилась теперь и Имер(ет)ия. И Имер(ет)ия, и в особенности Мегрелия были в XVII веке для Москвы совершенная «terra incognita»[51]. И тому и другому посольству предоставлялась, поэтому, большая свобода в выборе пути. Оба эти посольства поднялись значительно дальше вверх по Тереку, чем их предшественники, сворачивавшие обычно на Сунжу, и прошли приблизительно до того места, где Терек, устремляющийся от Кавказских гор на север, круто поворачивает на восток. Дальше они проходили Большую Кабарду[52] и подошли, таким образом, к наиболее трудно проходимому участку Главного кавказского хребта — к его главному снеговому массиву, от Эльбруса на северо-западе до Адай-хоха на юго-востоке. Им пришлось перейти хребет через ледники и высокогорные перевалы,

---

[51] Об Имер(ет)ии, «бошачишской земле», впрочем, некоторое представление было: еще в 1619 году ках(ет)инский посол игумен Харитон доставил московскому царю Михаилу Федоровичу письмо от имер(етин)ского царя Георгия—Броссе стр. XXIV и XXV.

[52] Названий «Большая» и «Малая» Кабарды в статейных списках XVII века не встречается. Отдельные части Кабарды определяются или по именам главных местных владельцев—Онзорова, Мударова, Олегукина, или по племенным названиям—Карачаева Кабарда.

доступные лишь в течение нескольких летних месяцев для пешеходного и, в лучшем случае, легкого вьючного движения.

Елчин и Захарьев поднялись по реке Баксану и у подножья Эльбруса прошли в Сван(ет)ию — «Сонскую землю» (здесь под этим именем разумеется Сван(ет)ия). Статейный список Елчина, в этой его части[53], очень скуп на собственные имена. Река Баксан не называется. На всем протяжении от Терека до границы «дидианской земли», кроме имен некоторых кабардинских владетелей, упоминаются всего три селения: Влешкараш, Ескера и Худони, но этого вполне достаточно, чтобы довольно точно восстановить маршрут посольства Елчина. В названии «Влешкараш» легко прочесть имя современного сванского селения Лашараши, которое лежит на пути из долины Баксана в Сван(ет)ию через сравнительно легкий перевал Донгузорун (3.200 м.). Следующий упоминаемый и статейных списках посольства пункт, Вескера — современное селение Искари, бывшее владение князей Дадешкелиани. Отсюда посольство спустилось по трудно проходимому и в настоящее время ущелью р. Ингура, около расположенного в этом ущельи селения Худони вступило в Мегрелию («Дадианская земля»), следовало дальше до того места, где Ингур, около селения Джвари («Джуар» статейных списков), выходит на более широкую долину, проникло до Черного моря, совершило об'езд всей Мегрелии и, после девятимесячного пребывания в этой стране, вернулось обратно тем же маршрутом. От Терека до границы Мегрелии (сел. Худони) посольство Елчина шло туда 45 дней (с 29 сентября по 13 ноября) и обратно — 49 (с 22 мая по 9 июля).

Толочанов и Иевлев из Большой Кабарды прошли через Балкарию, поднялись по рекам Череку и Кара-су и пе-

---

[53] Белокуров, Д. стр. 317 и 318. Статейный список Елчина, вообще, составлен, не в пример другим статейным спискам XVII века, довольно небрежно, и пользоваться им надо с осторожностью; собственные имена очень сильно искажены, даты местами перепутаны. Сам Елчин был почти неграмотным, а к своей высокой дипломатической миссии отнесся повидимому довольно «разухабисто». Подробный критический разбор отдельных статейных списком московских посольств в Грузию предполагаем дать в другом месте.

решли через один из самых трудных кавказских перевалов Гезевцек (3.435 м.)[54].

Прибыв на Терек, посольство Толочанова и Иевлева предполагало первоначально итти обычным путем — через «Мундарову» Кабарду (в Малой Кабарде) и владения эристава арагвинского. Полученные сведения о том, что эристав находится во враждебных отношениях со своим сюзереном, царем Теймуразом, и что, поэтому, итти через его владения рисковано, заставили изменить намеченный маршрут и определили путь через «Онзорову» Кабарду (в Большой Кабарде) и западно - кавказские высокогорные перевалы. Посольство двинулось из Терского города 15 апреля, шло вверх по Тереку, повидмому, до впадения в него Курпа, дальше по Курпу, скашивая, таким образом, несколько путь, и вышло снова на Терек, при впадении в него «Чеголы» (Чкола или Змейка, приток Терека с левой стороны). Отсюда перебрались на реку Урух и к 26 апреля были уже у кабардинского владетеля Зозоруки Онзорова, чьи владения находились, повидимому, между р. р. Урухом и Череком Балкарским. Здесь перед посольством открывались два варианта пути в Имер(ет)ию. Первый из этих вариантов вел вверх по р. Уруху через Дигорию. Избрав этот вариант, оно попало бы на один из двух сравнительно удобных перевалов: или на Годи-вцек или на Гурдзие-вцек[55] и вышло бы на нынешнюю Военно - Осетинскую дорогу около Глолы. Об этом пути, как о наиболее коротком и удобном с Северного Кавказа в Имер(ет)ию, говорили послам явившиеся к

---

[54] Толочанов, стр. 31—37, 59 и 60, 105—110, 116—125 и 189—191. Статейные списки этого посольства—их имеется три, все различных редакций — отличаются исключительной даже для статейных списков XVII века точностью и обстоятельностью. И туда и обратно посольство шло одним и тем же путем. При описании этого пути в одном направлении даются иногда указания на такие пункты, которые не упоминаются в другом направлении, обратно. Отдельные редакции точно также дополняют в этом отношении друг друга. Все это дает много опорных точек и позволяет проследить маршрут этого посольства весьма детально.

[55] Перевалы Годивцик и Гурдиевцик в прежнее время, по всей вероятности, пользовались большой известностью. Так, еще Клапрот (Tabeau du Caucase p. 41), перечисляя перевалы между Казбеком и Эльбрусом, указывает, что два из них, более значительные по удобству, идут один возле другого вдоль горных потоков, составляющих р. Урух (приток Терека) и ведут из Осетии из обществ Дигорцев в Имеретинскую область, в Рачу». В. Т. Маевский—Кутаисская губерния. Военно-статистическое описание. Приложение, стр. 108-109. Тифл. 1896.

ним у Онзорова с визитом два дигорца, Измаил и Чибирса. В данный момент, однако, по их словам, этим путем «ходить страшно от сонских людей и от их владельца Аристопа»[56]. Это заставило избрать другой, более западный вариант, и итти не по Уруху, через Дигорию, а по Псыган-су и Череку («Суенсу »и «Крех» статейных списков) через Балкарию[57]. Уже от Онзорова началась горная часть пути довольно крутого под'ема, как видно из того, что от Онзорова до Балкарии посольство шло четыре дня, обратно же при спуске всего два дня.

У балкарских владельцев, куда прибыли 17 мая, пришлось сделать остановку на две недели для генеральной перепаковки: лошади были здесь оставлены, и дальше посольство двигалось пешком. 31 мая вышли от балкарских владельцев, переправились через Черек и ночевали «под горами, под каменем» (вероятно, под Кашкантау), откуда на следующий день, 1 июня, начался под'ем на снежные горы. Двигаясь вверх по притоку Черека Кара-су и пересекши Штульский ледник, посольство Толочанова и Иевлева 2-го июня перешло Гезе-вцек (3.435 метров)[58]. Перевалив хребет,

---

[56] «А до первого до их владения до Дигор, от Зазарукина кабака половину дни ходу, а от их владенья до стиргорцев день ходу. А от стиргорцев до грузинские до первые деревни до Гези половина дни ходу. А ныне де та деревня, за Александром царем. А до Александра де царя от той деревни от Гези два дни ходу. А переход де от их владенья до Александра через горы не нужной, мочно итить на лошадях и со вьюки. А только де порозширить дороги, и то де мощно зделать и телегами ходить» (Толочанов, стр. 119 и 120). Может быть в данном случае имеется ввиду «аристоп», т.-е. эристов не арагвинский, но ксанский — «сонский», возможное по созвучию искажение/, северная часть владений которого могла входить в «сонскую землю», и к тому же была ближе к тому пути, о котором говорили Измаил и Чибирса, чем владенья эристава арагвинского.

[57] Совершенно невозможная интерпретация, свидетельствующая о полном неумении ориентироваться в карте, у Brosset p. 15: Суенсу—«Soundja» (?) и Крех Crikhoula de wakhoucht, affluent droit du Rion (!?!) Приток Риона на северном склоне главного Кавказского хребта (?!).

[58] Упоминание в статейном списке горы Пасули, из под которой вытекает Рион, а также еще другая река («а Реонь вышла из под той горы снежной где ночевали; а по другую сторону вышла река из под снежной же горы, Пасули»—Толочанов, стр. 105), ясно указывает на гору П'асис-мта, где берут свое качало рр. Рион (П'аси-Фазис, древнее название Риона) и Цхенис-цкали, а этим определяется и перевал Гезе-вцек, как пункт перехода посольства Толочанова и Иевлева через Главный кавказский хребет.

посольство следовало на «Тевриж» (Тевреши), вышло где-то между Уцерою и Они на нынешнюю Военно-Осетинскую дорогу, прошло через «царево Александрово село», т. е. Амбралаур, около которого река Крихули («а царев двор стоит промеж двух рек, промеж Реони да Крихулы»), и побывало в «городе Раче», т.-е. Никорцминде («а в городе церковь каменная, большая, делом пречюдна, во имя Николы Чюдотворца»). Отсюда через Накеральский перевал (1.996 метр.) спустились к «Тхербули» (Тквибули) и, спускаясь вниз по р. «Красной» (Цхал-цители), мимо города «Гилата» (Гелати), прибыли к 22 июня в Кутаис. Весь путь от Терского города до Кутаиса продолжался 39 дней (с 15 мая по 22 юня), обратно — 52 дня (с 10 октября по 30 ноября).

Елчин и Захарьев, Толочанов и Иевлев — разведчики московского торгового капитала, в роли современных, альпинистов, которых влекут к себе высоты Кавказа! С тою только разницею, что теперь в такие экспедиции пускаются после долгой тренировки, во всеоружии современной альпинистской техники, избрав благоприятное время года, а тут шли москвичи XVII ст., никогда до этого и гор-то настоящих, пожалуй, не видавшие, тяжело нагруженные, вынужденные очень часто не считаться с календарем: Толочанов и Иевлев на обратном пути перешли Гезе-вцек 21 октября, т.-е. в такое время года, когда даже местные жители не охотно отваживаются на этот переход[59].

Совершенно новые по всей своей обстановке, можно сказать — чрезвычайно эфектные для московских людей XVII века, транскавказские маршруты посольств Елчина и, в особенности, Толочанова, не могли, конечно, еще иметь в данный момент такого значения для московского торгового капитала, как маршрут Мышецкого и даже старый маршрут через Дарьял. Спутник Толочанова, второй посол Иевлев, говоря о дешевизне в Имер(ет)ии шелка, этой главной приманки для московской торговли, не преминул, впрочем, отметить, что «из Меретии его пронести через горы пешим

---

[59] «Перевалы Шарифцик (1057 ф.) и Гезевцик (1473 ф.) открыты для сообщения в течении не более 2-3-х летних месяцев. В это время по ним возможен, хотя с большими затруднениями, перегон скота»—В. Т. Маевский, назван. соч. Приложение, стр. 191.

людем можно»[60]. Основное значение этих маршрутов выясняется, если мы будем учитывать весь комплекс транскавказских маршрутов, проделанных в XVII веке московскими посольствами. Этот комплекс давал московским политикам и экономистам того времени представление о кавказском массиве в целом, на всем его протяжении от Черного моря до Каспийского. В условиях техники того времени, как для торговых сношений, так и для военных операций была доступна лишь восточная половина этого массива, его левый фланг. Непосредственный подступ с севера к западной половине Закавказья был возможен, как теперь выяснилось и что отчетливо, быть может, еще не представляли в Москве в XVII веке, только со стороны Черного моря и Черноморского побережья. Этот доступ держала в своих руках Турция. Овладеть западным Кавказом возможно лишь в связи с разрешением черноморского вопроса — знать это положение было весьма ценно для московского торгового капитала при том общекавказском масштабе, в каком, как мы знаем, развертывается кавказская политика Москвы в XVII веке. Это положение было весьма документально обосновано посольствами — экспедициями XVII века.

ОПИСАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ ГРУЗИИ.

Этими посольствовами - экспедициями были не только изучены и проверены различные транскавказские маршруты, но и подробно описаны те области Закавказья, главным образом Грузии, где им пришлось побывать, и собраны об этих областях весьма подробные сведения; и это был второй главный результат московских кавказоведных изысканий XVII века. Эти изыскания значительно расширили географические пределы сведений Москвы о Кавказе.

О географических пределах таких сведений в конце XVI века довольно верно, как нам кажется, можно судить

---

[60] Толочанов, стр. 188. Само посольство и отправлявшееся с ним в Москву имер(етин)ское посольство перевело через Гезевцек трех породистых коней, аргамаков, отправляемых в дар московскому царю от имер(етин)ского царя (там же стр. 199). В XVII веке в Москве аргамаки были в большой цене.

по «Книге Большого Чертежа»[61]. Детальные сведения «Книги Большого Чертежа» не заходят за Кавказский хребет, а на Северном Кавказе сосредоточиваются в бассейнах Койсу, Терека, Кумы и Дона. Черноморское побережье Кавказа более или менее детально известно «Книге Большого Чертежа» не дальше р. Кубани (из левых притоков этой реки называется только р. Лаба); каспийское—до Дербента. За этими пределами сведения «Книги Большого Чертежа» суммарны и порою грубо неточны. Закавказья черноморского бассейна нет вовсе. Терек вытекает из Куры (смешивается, очевидно, с Арагвой, которая вовсе не названа). В Закавказьи каспийского бассейна — некоторые сведения о бассейне Куры, начиная от Тифлиса. Река Алазань называется Лабанью. Кроме того, названы некоторые пункты, ближайшие к Каспийскому морю, по пути персидской торговли.

Разведки-изыскания XVII века раздвинули пределы детальных сведений о Кавказе—на юг, до линии Риона, и дальше—от Тифлиса на Шемаху, не на всем, однако, сплошном протяжении этой линии и не во всем об'еме захваченной этой линией территории. Были составлены детальные описания Мегрелии, Имер(ет)ии и Ках(ет)ии, а также получены более обстоятельные сведения о Дагестане и северной части Азербайджана. Причерноморье, на север от р. Ингура, оставалось неизвестным. Оставалась неизученной точно также Карт(а)л(ин)ия. Почти все эти новые данные были не только гораздо более детальны, но и гораздо более углублены и систематичны. Все эти даные собиралитсь планомерно, на основании заранее проработанной программы.

Московские разведки в Закавказьи начинаются еще в XVI веке. Так, около 1586 г. из Астрахани был послан в Грузию толмач Русин Данилов «проведывати дороги в гру-

---

[61] «Книга Большого Чертежа»—об'яснительный текст к генеральной карте («Большой Чертеж») Московского Государства, составленной в конце XVI века. «Книга Большого Чертежа» была составлена в XVII веке, когда с самой карты, обветшавшей от времени, была снята копия. Сам «Большой Чертеж», ни в оригинале, ни в копии, до нас не дошел. «Книга Большого Чертежа» в XIX веке издавалась несколько раз, но вполне научного издания, равно как и научного исследования, посвященного анализу этого памятника в целом, в печати до сих пор не существует (см. справку о «Книге Большого Чертежа» и соответствующую библиографию в «Новом Энциклопедическом Словаре» изд. Брокгауза-Эфрона, т. XXI, 944—946). В нашем распоряжении было издание «Книги Большого Чертежа» 1838 года.

зинскую землю и земли грузинские — какова земля»[62]. Московским посольствам, отправлявшимся в XVI веке в Грузию, точно также поручалось иногда «вестей всяких проведывати»; иногда, однако, дело обходилось и без таких поручений, и послам предписывалось только «государевым делом промышляти по сему государеву наказу, и как бог вразумит». В XVI веке разведочные поручения возлагаются на московских дипломатов на Кавказе как бы попутно; эти поручения не слагаются еще в определенную систему, а потому и не облекаются еще в строго отчеканенную и продуманно разработанную словесную формулу. И в посольских статейных списках XVI века данные разведочного характера не сводятся в особую рубрику, но сообщаются разбросанно, в контексте с общим отчетом о выполнении дипломатических заданий; эти данные — еще не столько самоцель, сколько коментарий к дипломатическому отчету. Позднее, уже в XVII веке, по мере того, как кавказская политика Москвы начинает развертываться во всю ширину общекавказского масштаба, а московский торговый капитал обнаруживает самодовлеющий интерес к кавказскому рынку, разведочные поручения, возлагаемые на посольства - экспедиции, складываются в детально разработанные анкеты; в соответствии с этим и отчеты посольства, по выполнению этих поручений, в основной своей части выделяются как бы в особый параграф в их статейных списках[63].

Московским посольствам XVII века, отправляющимся в Грузию, давались обычно две анкеты: политическая и статистико-экономическая, обе составленные со свойственною

---

[62] Белокуров К. стр. 10, 99 и 439; 28, 280 и 344. Московский приказный язык XVII в.в., при всей своей лапидарности, поразительно точен во всех своих формулировках; необходимо учитывать малейшие оттенки в выражениях.

[63] Такие детально разработанные анкеты мы встречаем уже в 1639 г. в наказе Елчину в Мегрелию (Белокуров Д. стр. 283, 284). По такой анкете, в несколько упрощенной редакции, опрашивался в 1636 г. относительно той же Мегрелии, как мы уже знаем, бывший в то время в Москве грузинский митрополит Никифор. В конце 30-х годов XVII века в Посольском приказе при ближайшем участии начальника приказа Федора Лихачева и его помощника Максима Матюшкина, шла, повидимому, подготовительная работа по организации кавказоведных изысканий. Можно предполагать, что по опубликовании документов, относящихся к посольству 1638 г. Волконского и Хватова, мы встретим такие же анкеты в наказе и этому посольству, открывающему собою «новый курс» кавказской политики московского торгового капитала.

московской приказной бюрократии скрупулезностью и педантичностью. Первая предлагала детально и конкретно осветить международную кон'юнктуру и ситуацию на Кавказе; вторая — собрать такие же детальные и конкретные данные о географическом положении, населении, экономике, боеспособности и политическом настроении той или другой части Грузии. К этим двум присоединялась иногда третья: предлагалось выяснить прочность и чистоту вероисповедных православных устоев. Иногда такая идеологическая экспертиза возлагалась на особых спецов из духовенства. Мы не будем совершенно останавливаться на этой последней; ознакомимся с первой, как характеризующей постановку кавказского вопроса в политике Москвы XVII века в международной плоскости и, наконец, сосредоточив внимание на второй, статистико - экономической, попытаемся суммировать те сведения о некоторых частях Закавказья, какие получала Москва в результате своих кавказоведных изысканий XVII века.

Политическая анкета, в редакционном отношении, совершенно тождественна, за исключением, конечно, собственных имен, в наказах Елчину, Мышецкому, и его спутнику, умершему в дороге, дьяку Ивану Ключареву, и Толчанову и Иевлеву[64]. Берем для цитаций наказ Мышецкому. Первый вопрос, который интересует московское правительство на Кавказе — на кого ориентируется данная страна, на Персию или на Турцию: «да память князю Еуфиму ж Федоровичю да дьяку Ивану Ключареву. Будучи им в грузинской земле, проведывать от себя тайно, как ныне грузинский Теймураз царь с турским Ибрагим султаном и с персидским Сефии шахом, послы и посланники от турского и от кизылбасского к нему вновь бывали-ль, и будет бывали, и о чем приходили. И грузинский Теймураз царь к турскому и к кизылбасскому шаху послов своих о каком деле посылывал ли, и будет посылал, и кого именем и о чем посылал». Второй вопрос— взаимоотношения Турции и Персии между собою, как на Кавказе, так и на других фронтах, на чьей стороне перевес и, в частности, каково международное положение Персии вообще: «и как ныне турской салтан с персидцким шахом, послы и посланники от турского у персидцкого бывати ль, и персидц-

[64] Белокуров Д. стр. 283, 284; Мышецкий, стр. 44, 45; Толочанов стр. 15, 16.

кой к турскому послов и посланников посылывал ли. И будет на обе стороны послы посыланы и о чом посылали. И война ныне турскому с персидцким шахом была ли, и будет была, и о которое время и в которых местах и с которой стороны война всчалась, и персидцкой у турского или турской у персидского городов имывал ли, и будет имали, и сколько городов поимали. И впредь меж их чево чаять, миру ли или войны. И опричь турского персидцкому шаху с кем война есть». И, наконец, последний вопрос—взаимоотношения отдельных частей Кавказа между собою: «и как ныне с шевкалом и с кумыцкими людьми и з дадьянским Леонтьем царем и з гурелским царем и з башачинским и с Ористопом князем Теймураз царь, в миру ль, и впредь меж ими чево чаять».

Такова основная часть политической анкеты; дальше идут уже варьирующиеся в каждом отдельном случае частности—картлийский вопрос для Ках(ет)ии, позиция Гуриели и т. п.; на всем этом можно не останавливаться. Широкая в общекавказском масштабе, постановка вопроса намечается в этой анкете. Что такое Кавказ, и прежде всего Грузия, в условиях международной кон'юнктуры всего Ближнего Востока? Кто сильнее на Кавказе, и на кого ориентируются его отдельные части—на Турцию или на Персию? Каков в данный момент удельный вес Персии? Какие внутренние комбинации надо учитывать на самом Кавказе? Вот что надо было знать Москве при подготовке ею через Грузию своего собственного общекавказского фронта. Но теперь это была уже не чистая стратегия, экономические корни которой могли, в конце-концов, оказаться вне Кавказа. Отдельные части Закавказья как рынок, степень экономической заманчивости этого рынка, а в связи с этим и степень его политической устойчивости,—вот чем интересуется теперь московский торговый капитал, подготовляясь вступить, как самостоятельная третья сторона, в ту борьбу за Кавказ, которая велась уже между Турцией и Персией. Детально его интересы в этом отношении обрисовываются во второй анкете — статистико-экономической.

Наиболее полно средактирована эта анкета в наказе Толочанову и Иевлеву: «да Микифору и дьяку Олексею осмотрить меретинские земли и роспросить про все и разведывать всякими мерами подлинно, какова она и сколь пространна, и на кольких верстах, и колько в ней городов и мест жилых, и сколь людна, и каковы люди и любят ли

Александра царя и вперед его себе прочат ли, и чем та земля изобильна и какой хлеб родитца, и какие в ней узорочья живут, и что каково дорого или дешево, и колько и каких служилых людей и каким боем бьютца и торговые люди у них есть ли у себя или где ездят, какими торговыми промыслами промышляют»[65]. Переведем этот громоздкий, но все же очень точный дьячий язык XVII века на современный и мы получим действительно продуманный и проработанный вопросник, вполне по тому времени удовлетворительный:

I. Географическое положение страны; ее пространство и протяжение в верстах.

II. Население страны; количество населенных пунктов, и, главным образом, укрепленных («городы»); общая численность населения.

III. Политическое настроение умов; отношение населения к существующей власти; насколько прочно положение этой власти?

IV. Экономика страны: 1) ее природные богатства; 2) состояние сельского хозяйства и сель.-хозяйствен. продукты; 3) промышленность и главные виды художественной промышленности; 4) торговля; существует ли в стране внешняя торговля и с кем именно? Об'екты экспорта и импорта. Цены на отдельные виды товаров.

V. Военная организация страны: количество вооруженных сил и состояние военной техники.

На основании этого вопросника и были составлены те описания отдельных частей Грузии, которые мы находим в статейных списках XVII века—Мегрелии у Елчина, Ках(ет)ии у Мышецкого, Имер(ет)ии у Толочанова и у Иевлева[66], что составляет, в общей сложности не менее одной пятой всего современного Закавказья. Не все эти описания равноценны по выполнению. Обнаруживает некоторую неопытность составителя и несколько небрежно описание Мегрелии у Елчина; весьма деловито и обстоятельно, хотя несколько коротко, описание Ках(ет)ии у Мышецкого; еще более обстоятельны, взаимно дополняющие друг друга, два описания

[65] Толочанов стр. 17, 18. Срав. Мышецкий, стр. 45 и Белокуров Д., стр. 284. Начиная от слов «и колько и каких служилых людей»—дополнение, не встречающееся в других, более ранних наказах. «Узорочья»—предметы художественной промышленности, чеканное мастерство, златоткацкое дело и т. п.

[66] Белокуров Д., стр. 336-338: Мышецкий, стр. 156, 157, и 18, 158, 159; Толочанов, стр. 110-114 и 184-188.

Имер(ет)ии — Толочанова и Иевлева, а второе из них и художественно выразительно... Все эти описания, вместе взятые, выполнили для своего времени большую работу. Если принять еще во внимание, что в XVII веке, после Мышецкого, лучше ознакомились и с прикаспийскими областями Кавказа, и если вспомнить, что в XVI веке недурно знали лишь Северный Кавказ, то придется заключить, что разведки Московского государства в XVII веке почти вдвое расширили территорию хорошей осведомленности Москвы о Кавказе.

Не будем загромождать наше изложение выдержками из всех этих описаний: все они опубликованы, и в последнее время начинают все больше и больше входить в научный оборот. Попробуем лучше дать общую сводку этих описаний (присоединив сюда и выше цитированный опрос грузинского митрополита Никифора о Мегрелии). Конечно, такая сводка будет только остовом, многое интересное и ценное из нее выпадет: она все же уяснит нам, насколько расширился и углубился в XVII веке кавказоведный кругозор Москвы, в результате всех этих изысканий.

Географическое положение. Ках(ет)ия лежит между кумыцкими и персидскими горами, от Загема (на юге) до владений эристава (на севере). Ее протяжение в этом направлении до 200 верст; поперек, от Шуамты до кумыцких гор—верст 20, и в другую сторону—от Шуамты до Марткопи, которое тоже принадлежит царю Теймуразу,—верст 50. Имер(ет)ия примыкает с востока к Картлии, с запада—к Мегрелии. Главные ее реки—Рион и его приток Квирила. Рион впадает в Черное море. От своего устья и до впадения в него Квирилы он судоходен (гребные суда). От Имер(ет)ии, по Риону, до Черного моря два дня езды. Мегрелия тянется вдоль берега Черного моря верст на 150; вглубь страны, от моря до гор, верст 50. Она примыкает с севера к земле горских черкасов, с юга к Турции, с востока к персидским владениям и к Имер(ет)ии; последняя отделяет Мегрелию от владений царя Теймураза. Климат Мегрелии теплый.

Население. В Ках(ет)ии до 3000 крестьянских дворов. Поселений, вообще, мало; в сторону к Тифлису всего два—Кизик и Марткопи. Укрепленных мест в старину было много, но в настоящее время все они разрушены шахом. В Имер(ет)ии общее количество населения — по одним данным, до 63.000 с лишним; по другим, до 103.000 с лишним. В Имер(ет)ии до 80 укрепленных пунктов, из них сам Ку-

таис и некоторые другие, как Сканда, Гелати, Шаропани — весьма сильные крепости [67]. В Мегрелии населения до 60.000, но никаких укрепленных мест, хотя бы простых земляных укреплений, нет. Все население живет по деревням; даже спокойное, недовольства властью не отмечается.

Политическое настроение умов — везде спокойное, недовольства властью не отмечается.

Экономика. Ках(ет)ия и Имер(ет)ия очень богаты фруктами и ягодами, а также различными огородными овощами. Во всех трех странах много винограду. В Имер(ет)ии отмечается большое разнообразие животного мира, развито скотоводство, хорошие лошади, но рыбы в Рионе и Квириле, за быстротою течения, мало. В Имер(ет)ии есть горные богатства — железо, медь, селитра; произрастает хлопок, много меду и широко распространено домашнее шелководство. В Мегрелии много льна и конопли, из которых выделывают пряжу и ткани, а из конопли, кроме того, рыболовные снасти. Конопли много и в Имер(ет)ии.

Почва в Ках (ет)ии и Мегрелии среднего качества; в Ках(ет)ии преобладает супесь; в Мегрелии почва каменистая. Почва в Имер(ет)ии очень плодородна; урожай снимают два раза в год. Культивируют, главным образом, пшеницу, ячмень, просо, чечевицу и бобы. Уровень земледельческого хозяйства различный: в Ках(ет)ии пашут плугами на быках; в Имер(ет)ии есть и плужное земледелие и мотыжное; в Мегрелии исключительно мотыжное. Но вообще земледелием занимаются мало. В Мегрелии пашен вообще немного; в Ках(ет)ии земледельческое хозяйство расстроено после последних персидских нашествий; в Имер(ет)ии более широкому развитию земледельческого хозяйства мешает гористый характер местности.

Каких-либо видов художественной ремесленной промышленности нигде не отмечается.

Торговля больше всего развита в Имер(ет)ии. Кутаис —оживленный торговый цетр; есть небольшие торговые поселения и около других укрепленных мест. В Кутаис приез-

---

[67] В статейных списках посольства Толочанова дается поименный список до 80 укрепленных мест Имер(ет)ии и, кроме того, детальное описание фортификационных сооружений Кутаиса, Гелати и Сканды. В исчислении количества населения данные Толочанова и Иевлева между между собой расходятся.

жают купцы из Турции, Персии, Азова, Тифлиса, Мегрелии и владений Гуриели; приезжает еврейское и армянское купечество. Привозят бархатные, атласные и парчевые изделия. Но цены на все это не ниже московских. Из местных произведений дешев мед и шелк; шелк через горы на людях легко доставить на Терек. Торговля на деньги: венгерский золотой, на московские цены, ходит по рублю—рублю 20 копеек; ефимок (талер)—по 50—60 копеек; из местной монеты: абаса (2 гривны) и бисть (2½ копейки). Русские деньги хождения не имеют. Следующее место в торговом отношении, за Имер(ет)ией, занимает Мегрелия, но здесь торговля гораздо меньше развита и носит гораздо более мелочной характер. Торговля здесь в руках армян и евреев, которые вывозят отсюда в Персию местные продукты, и взамен этого, привозят оттуда дешевые сорта различных материй. Но местных армянских и еврейских купцов немного, всего одно поселение, в котором 40 армянских дворов и 10 еврейских. Отмечается значение для Имер(ет)ии и Мегрелии морской торговли и реки Риона, как оживленной торговой артерии. По Черному морю приезжает иностранное купечество с различными товарами. В Имер(ет)ию с моря идет рыба и холодное оружие. Из Мегрелии морем вывозится воск, вино, полотна и рыболовные снасти. В частности, в Мегрелии, в связи с морскою торговлею, сильно развита работорговля: царь и местная аристократия ведут широкую торговлю людьми в обмен на предметы роскоши. В полном упадке торговля в Ках(ет)ии. Постоянных базаров и периодических ярмарок нет, а потому и о ценах на товары ничего сказать нельзя. Есть небольшой торг в Загеме, где существует даже гостинный двор, но и здесь—только мелкая торговля. Иногда приезжают в Ках(ет)ию армянские купцы из Тифлиса и различых городов Персии, но привозят лишь худшие сорта полотняных и бумажных материй.

Военная организация. Население везде статное, крепкое, в Имер(ет)ии преобладет высокий рост; но в Мегрелии население поражает крайнею бедностью и примитивностью всей жизни. Военная организация выше всего, пожалуй, опять-таки, в Имер(ет)ии. Здесь есть постоянное войско — метопи или тюфянчеи (в роде московских стрельцов); есть хорошая конница. Все вооружены луками, копьями, кинжалами, саблями и ружьями фитильной системы, без замков; все снабжены щитами. Седла—из Турции; сабли—из Персии и из Европы. В некоторых укрепленных местах, от-

мечается крепостная артиллерия, но в небольшом количестве и мелкого калибра. Вся военная система феодально-поместная; на землях тавадов и азнауров, которые обязаны являться в поход с своими отрядами, испомещено и находится на их содержании и собственно царское войско — тюфянчеи, кроме отряда в 2-3 тысячи, который несет службу при царском дворе. В Ках(ет)ии войско также вооружено луками, копьями, саблями и ружьями (тоже фитильной системы), но самого войска немного. Ках(ет)ия так подорвана персидскими нашествиями, что вести открытые военные действия она не может. Там организована только пограничная охрана. Землевладельческий класс обязан выставлять сторожевые отряды против кумыков у речных перевозов, по лесам и в ущельях. Кроме того, от Греми до Загема испоселены сами кумыки, которые должны защищать границу владений царя Теймураза. В Мегрелии вооружение очень примитивно; огнестрельного оружия нет. Впрочем, Мегрелия никаких больших военных действий и не предпринимает.

Такова общая сводка описаний отдельных частей Грузии, какие мы находим в посольствах статейных списках XVII века. Как исторический источник для исследователя наших дней, все это требует, конечно, большой проверки сопоставления с другими данными, тщательного критического анализа. Многое здесь обусловлено степенью наблюдательности отдельных авторов этих описаний, классовой их сущностью, многое зависит и от того, каким путем и в какой обстановке они собирали все эти сведения. После такой предварительной обработки, вероятно, придется внести много частичных поправок; несколько смягчится, быть может, и основной лейтмотив, который получается от сопоставления этих описаний между собою, лейтмотив, построенный на резких антитезах — цветущее состояние Имер(ет)ии, низкий культурный уровень Мегрелии, бедственное положение разгромленной врагами Ках(ет)ии[68]. Но

---

[68] Описание Ках(ет)ии Мышецкого составлено им по собственному «посолскому разсмотрению и по сказке грузинцев и русских полоняников, которые выходили из турские и из дадиянские земли» (Мышецкий, стр. 158). В Мышецком, сподвижнике злосчастного воеводы Шеина, только что пережившем смоленскую катастрофу, говорит представитель феодально-военных кругов Москвы, строго взвешивающей значение Ках(ет)ии, как стратегического союзника. Если бы добрался живым до (Ках(ет)ии его спут-

как такой исторический источник, заключающий в себе, не путно сказать, еще много и других интересных данных, эти описания нас сейчас не так интересуют. Для нас сейчас это, прежде всего, исторический источник в другой плоскости— показатель того круга сведений о Кавказе, какой давали московские разведки XVII века, той степени конкретности, обоснованности и детальности, какие в то время от этих разведок требовались. Эти изыскания — необходимое звено, заполняющее чересчур резкий разрыв между древнерусскими «хождениями» типа Афанасия Никитина и даже Василия Гагары и позднейшими кавказоведными изучениями XVIII и XIX в.в. Все в этих изысканиях вскрывает перед нами наростание того буржуазного практицизма, который так характерен для общества, вступающего на путь захватнической колониальной политики. На каждом шагу чувствуется трезвый политик и купец, привыкший все взвешивать, все мерить и все оценивать. Уже в XVII веке Московское государство и московский торговый капитал тщательно подготовляли свое политическое и экономическое наступление на Кавказ, глубоко прощупывая все открывающиеся здесь и возможности, и трудности.

ник дьяк Ключарев,—московское дьячество близко стояло к классу торгового капитала,—мы имели бы, может быть, более углубленный и детальный анализ экономического упадка Ках(ет)ии. Толочанов, представитель того же военного класса, как и Мышецкий, но более средней прослойки этого класса, несший до своего отправления в Имер(ет)ию службу «в дальних украинских городах», основывался на официальных данных, полученных им от государственного секретаря Имер(ет)ии Пешанги Амирова (Толочанов, стр. 114). За то его спутник, дьяк Иевлев, своего рода «спец» XVII века по Кавказу и Персии,—до своей миссии он на Тереке, позднее в Астрахани,—предпочел проинтервьюировать не столь видных сановников, писал «по распросу пристава своего Захния Кареевапова да толмача Безину» (там же, стр. 184) и с четкостью московского бюрократа попытался обрисовать феодальную структуру Имер(ет)ии, прибегая к своего рода «сравнительному методу» — переводя местные социальные отношения на московскую терминологию XVII века. Об источниках Елчина мы знаем мало; в его описании Мегрелии, наряду с отдельными меткими наблюдениями, явно сквозит пренебрежительное отношение московского великодержавничества к «туземцам»: прямой предшественник поздней царской бюрократии на «окраинах».

В заключение, напрашивается еще один вопрос.

Для своего времени московские разведки XVII века на Кавказе, безусловно, сделали свое дело. А для ближайшего за этим будущего, когда началось уже наступление русского капитала на Кавказ, остались ли эти разведки мертвым архивным капиталом, или ими продолжали пользоваться и государственная политика, и позднейшие представители русского кавказоведения, точно также, ведь тесно связанного с очередными задачами этой политики. Все говорит, кажется, за последнее. Ограничимся несколькими указаниями.

В «делах грузинских» Посольского приказа нашла себе место в бывшем Московском главном архиве министерства иностранных дел и об'емистая рукопись XVIII века озаглавленная «№ 15—1586—1700. Книга, содержащая выписку о приезде в Москву грузинских послов и об отпуске в Грузию российских посланников с поручаемыми им разными делами» и при этом заглавии архивская пометка: «сия выписка в шести отделениях отправлена была в 1769 году при рапортах из московского архива в коллегию». Эта книга заключает в себе очень подробный обзор, иногда с большими дословными выдержками, всего материала, относящегося к предшествующим русско-грузинским сношениям. В частности, относительно трех первых частей этой книги, охватывающих время за 1586—1652 г.г., из приложенной здесь же препроводительной бумаги мы узнаем, что «с сей выписки послана копия к его сиятельству графу Никите Ивановичу», т.-е. Панину, главному руководителю в это время русской внешней политики. Это годы первой турецкой войны, близкого кучук-кайнарджийского договора, когда впервые в русско-турецких сношениях четко был поставлен вопрос о Грузии, апогей русского империализма XVIII века и прелюдия к русско-грузинскому трактату 1783 года [69].

---

[69] Повидимому, в ближайшем отношении к названной книге стоит и опубликованный Броссе в русском переводе «Исторический обзор дипломатических сношений между российскими государями и грузинскими царями и владетелями, составленный на французском языке Францискомъ Плоеномъ, актуариусомъ при Главномъ Архиве». — Броссе, стр. 1—XCI.

В частности, относительно одного из интересовавших нас описаний, иевлевского описания Имер(ет)ии, мы знаем, что один экземпляр этого описания был в библиотеке князя Д. Д. Голицына, одного из «верховников» и одного из наиболее крупных русских государственных деятелей и политиков первой половины XVIII века. Другой список того же описания, сам уже принадлежащий XVIII веку, до настоящего времени—в рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки[70]. И, наконец, это же описание было включено еще в XVIII веке И. И. Новиковым в его публикации русских исторических материалов — в «Древнюю Российскую Вивлиофику» (ч. V, по 2-му изданию, стр. 135—255), а Новиков, ведь, не был оторванным от жизни историком-гробокопателем, и его «Вивлиофика» субсидировалась правительством.

У современных историков Кавказа — на каждом шагу ссылки на Гюльденштедта, Клапрота, Гмелина, на основании устарелых изданий их трудов. Мы до настоящего времени не имеем еще удовлетворяющего современным научным требованиям издания этих классиков русского кавказоведения, у которых местами чувствуется даже текстуальная зависимость от их предшественников, московских кавказоведных изысканий XVII века[71]. Весьма мало изучена еще и вся обстановка коммандировок и поездок этих ученых на Кавказ.

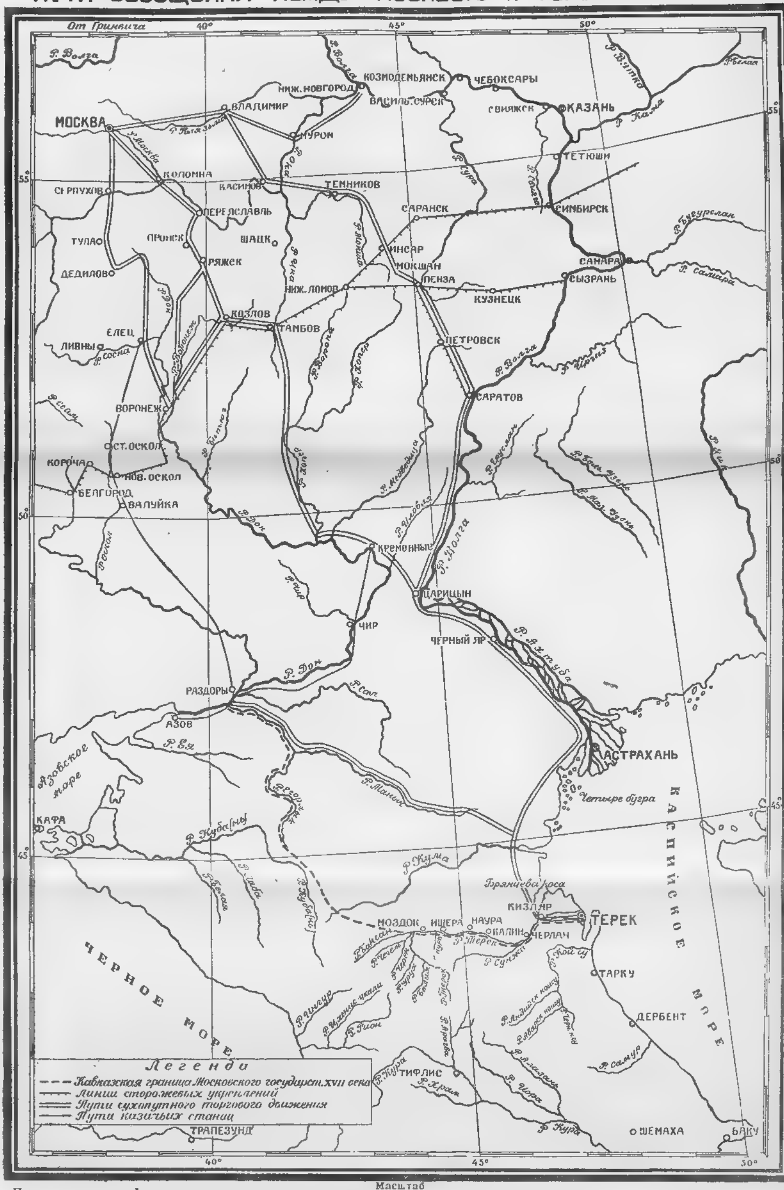
Ученый авангард колониального наступления русского капитализма на Кавказ, «академическое» кавказоведение XVIII и XIX в. в. имело своих непосредственных предшественников в лице московских квказоведческих изысканий XVII века. Изучение того и другого, в их взаимной увязке между собою и в теснейшей увязке с политикою русского капитализма на Кавказе, одна из проблем для современного советского марксистского кавказоведения. Полное научное обоснование постановки этой проблемы, не говоря уже о ней самой, выходит, однако, за пределы настоящего очерка.

---

[70] См. Толочанов, стр. 036-040 (на стр. 040, 2-я строка сверху опечатка: вместо «XVII века» следует читать «XVIII века»).

[71] В клапротовском издании Гюльденштедта (Dr. J. A. Güldenstädts. Beschreibung der kaukasischen Länder, Berlin, 1834). на стр. 99 мы находим перечень городов Импер(ет)ии, подозрительно-близкий таким же перечням в статейных списках толочановского посольства.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ МЕЖДУ МОСКВОЮ и ТЕРЕКОМ в XVII веке.



Приложение I.

Приложение II.

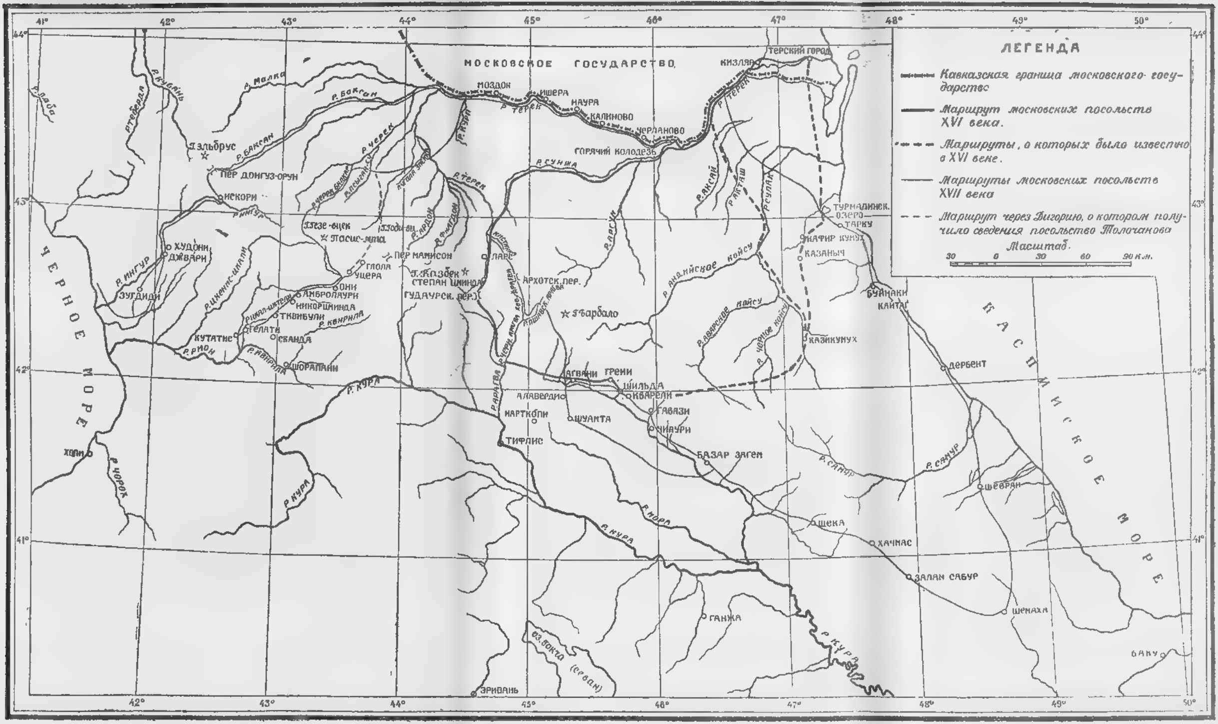
РЕЙСЫ

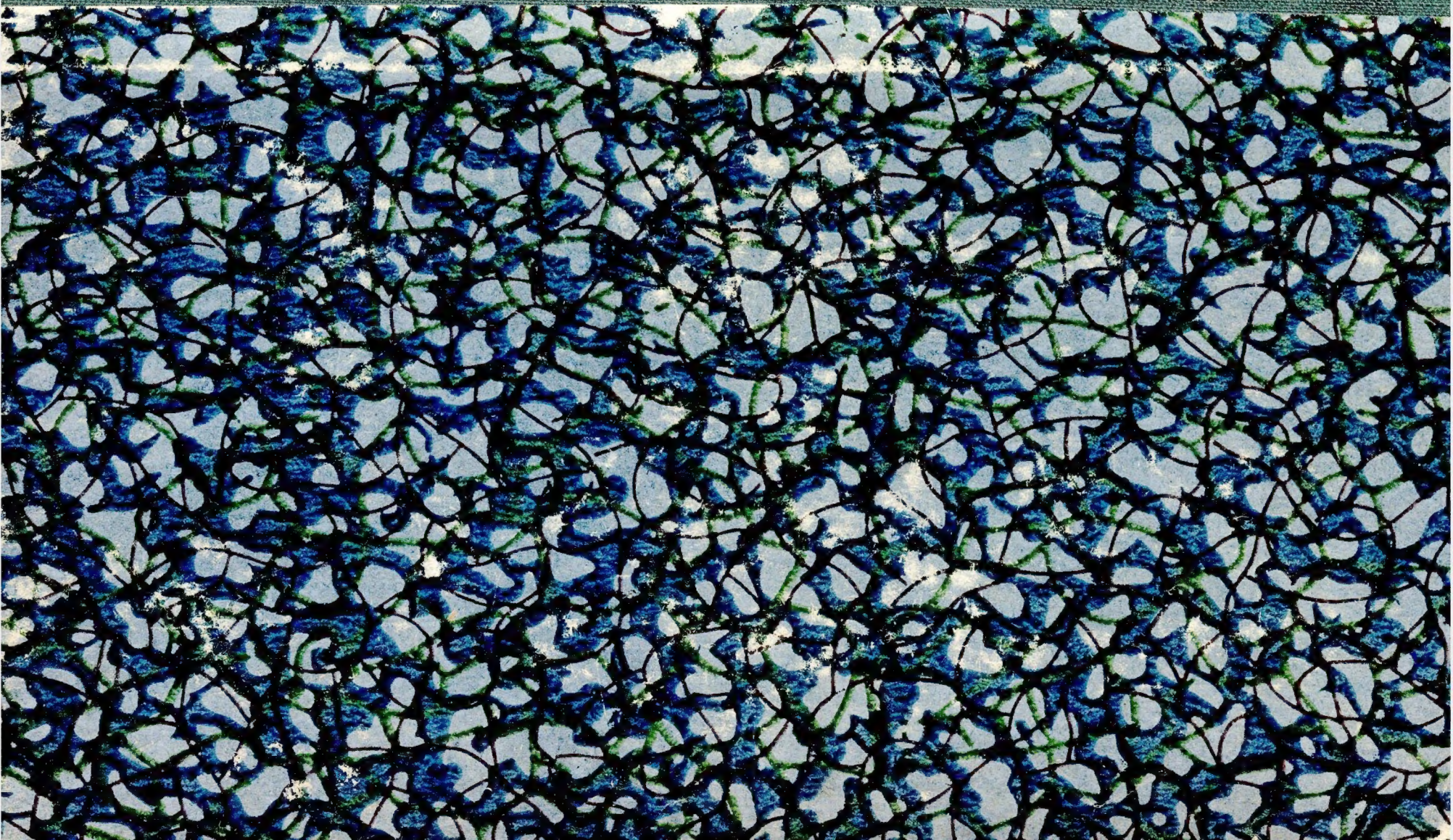
русских посольств XVII века по сплошному водному пути Москва-Астрахань.

Елчин		Волконский		Мышецкий		Толочанов		Километр	ОСТАНОВКИ	Километр	Мышецкий		Толочанов	
Приб.	Отб.	Приб.	Отб.	Приб.	Отб.	Приб.	Отб.				Приб.	Отб.	Приб.	Отб.
—	2-VI	—	25-VI	—	9-VI	—	10-VI	—	МОСКВА	3312	14-X	—	19-IX	—
6-VI	6 VI	30-VI	1-VII	15-VI	16-VI	14-VI	14-VI	166	Коломна	3136	—	—		
8-VI	10-VI	4-VII	5-VII	19-VI	19-VI	14-VI	14 VI	314	Переяславль (Рязан.)	2968	—	—	Сухум путем через Муром	
13 VI	14-VI	9-VII	9 VII	24-VI	24-VI		—	655	Касимов	2667	—	—		
16-VI	16 VI	11-VII	13-VII	27-VI	27-VI	—	—	850	Муром	2492	—	—		
18-VI	21-VI	14-VII	17 VII	30-VI	2 VII	—	—	1066	НИЖНЫЙ НОВГОРОД	2216	—		14-VII	
22 VI	22 VI	19-VII	20-VII	7-VII	7-VII		—	1295	Кузьмодемьянск	2017	—	—		
—	—	20 VII	21-VII	8-VII	8-VII	—	—	1354	Чебоксары	1958	—	—		
24-VI	3-VII	23-VII	6-VIII	12-VII	1-VIII	10 VII	23-VII	1496	КАЗАНЬ	1816	—		22-VIII	26-VIII
6 VII	10-VII	—	—	—	—	—	—	1635	Тетюши	1637	—	—	—	—
16-VII	18-VII	14-VIII	15-VIII	12-VIII	13-VIII	—	—	1964	Самара	1357	—	—	—	—
23 VII	24-VII	20 VIII	22-VIII	24-VIII	26-VIII	12-VIII	—	2399	Саратов	913		—	—	—
28-VII	30-VII	25-VIII	26-VIII	4-IX	4-IX	—	—	2381	Царицын (Сталингр.	494	—	—		—
2-VIII	3-VIII	29-VIII	29-VIII	9 IX	9-IX	—	—	3025	Черный Яр.	287	—	—		
7-VIII	19-XIII	5-IX	28-IX	20-IX	11 X	6-IX	15-IX	3312	АСТРАХАНЬ	—	—	29-V	23-III	19-IV
29-VIII	—	10-X	—	28-X	—	18-X	—	—	ТЕРЕК	—	—	—	—	7-III
									ВРЕМЯ В ПУТИ					
68 дней		73 дня		104 дня		89 дней			Москва-Астрахань		139 дней		118 дней*	
11 дней		13 дней		18 дней		34 дня			Астрахань-Терек		—		17 дней	
79 дней		86 дней		122 дня		123 дня			Москва-Терек		—		135 дней*	
ок. 27 дня		ок. 28 дней		ок. 29 дней		—			Продолжительность простоя в пути Москва Астрахань		—		* От Нижн. Нов Сухум путем через морем	
ок. 41 клм.		ок. 45 дней		ок. 75 дней		—			Продолжительность хода в пути Москва-Астрахань		—			
ок. 49 клм.		ок. 44 клм.		ок. 32 клм.		ок. 37 клм.			Средний пробег в сутки в пути Москва-Астрахань		ок. 23 клм.		ок. 21 клм	
ок. 80 клм.		ок. 74 клм.		ок. 44 клм.		—			Средняя скорость в пути Москва-Астрахань		—		—	

ПРИЛОЖЕНИЕ [illegible]

ТРАНСКАВКАЗСКИЕ МАРШРУТЫ МОСКОВСКИХ ПОСОЛЬСТВ XVI и XVII вв.



СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

фидр 591 (у. 59)
с. 1 - 59
13.09.11